

INSPIRIA

ДОЧЬ
СЕРИЙНОГО
УБИЙЦЫ
ЭЛИС ХАНТЕР

INSPIRIA

Элис Хантер
Дочь серийного убийцы
Серия «Ток. Семья серийного убийцы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69333100

*Дочь серийного убийцы:
ISBN 978-5-04-188574-8*

Аннотация

ОСТОРОЖНО! ТОКСИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ!

Может ли убийство быть в крови?

Когда в сонной девонширской глубинке бесследно пропадает женщина по имени Оливия, это становится большим потрясением для всех жителей. Такого здесь еще не бывало. Но больше всех новость потрясла местного ветеринара Дженни Джонсон...

У Дженни не было счастливого детства. Ее отец – знаменитый серийный убийца, известный как Губитель крапивниц из-за привычки оставлять бабочек этого вида на телах своих жертв. Теперь папочка отбывает пожизненное заключение за высокими тюремными стенами. А Дженни всю жизнь пытается убежать от себя и своего прошлого. Она сменила имя, место жительства, вышла замуж, родила детей и никогда и никому не рассказывала, кто ее отец. Боялась, как бы люди не подумали, что и ей передались его злые гены... А еще в последнее время женщина

страдает провалами в памяти. Она понятия не имеет, где бывает и что делает в такие часы...

И вот пропала Оливия. Женщина, с которой у мужа Дженни был роман. И это до ужаса напоминает преступления, которые Губитель крапивниц совершал много лет назад...

Но она же не ее отец, правда?

Или все-таки существует ген убийцы – и он внутри нее?..

«Абсолютно захватывающая и блестящая вводная – насколько хорошо мы знаем близких нам людей...». – Кэтрин Купер

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	35
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	55
Глава 11	63
Глава 12	70
Глава 13	76
Глава 14	90
Глава 15	98
Глава 16	100
Глава 17	108
Глава 18	110
Глава 19	120
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Элис Хантер

Дочь серийного убийцы

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2023

Посвящается Энни Уильямс

Семь лет, и отсчет продолжается.

Спасибо тебе – самому чудесному литагенту на свете!

Пролог

Хрупкое, эфемерное крылышко отделилось одним резким рывком.

Розовый кончик языка девчужки сосредоточенно просунулся в прореху, оставшуюся пару дней назад на месте двух выпавших передних зубов. Большой и указательный пальцы одной руки пригвоздили беспомощное насекомое к деревянному садовому столу, а пальцы другой нацелились и дальше расчленять дергающуюся бабочку. Капустную белянку, в обиходе капустницу. Банальную, простецкую – ничего особенного, по папиным словам.

Она не поняла, что такое «банальная», но смысл уловила.

Девочка аккуратно отложила в сторонку верхнее правое крылышко с двумя черными точками, похожими на пустые мертвые глаза, прежде чем оторвать от крошечного тельца нижнее правое. Потом сосредоточенно, не отрывая взгляда от бабочки, приподняла другую руку, намертво пригвоздившую насекомое к столу. Стала внимательно наблюдать, как его оставшиеся крылышки затрепетали – вначале яростно, а затем все медленней. Сдаваясь. По-любому эта бабочка прожила бы в лучшем случае всего пару недель – девочка знала это по школе. Так что не то чтобы она на самом деле ее убивала.

Скорее наоборот – она *делала* ее чем-то особенным.

Одно из оторванных крылышек подхватил легкий ветерок, понес через стол. Девчушка крепко прихлопнула его ладошкой, пока оно не упорхнуло прочь – облачко белой пыли осело у нее на пальцах. Она вздохнула. Ну вот, теперь это крылышко ни на что не годится... Придется поймать другую бабочку и начать все сначала.

Из кухонного окна за происходящим наблюдала мать девочки – и страх, замешанный на чувстве неизбежности, поселился где-то у нее в животе. Она знала этот тип поведения.

«Господи, прошу тебя – нет!»

Неужели история повторяется?

Глава 1

Дженни

Среда

Опустив голову, неотрывно смотрю на собственные руки с растопыренными пальцами – золотое кольцо на безымянном отсутствует. Сердце дико трепещет, пока пытаюсь припомнить, куда я могла его деть, подмечая при этом густую темную кайму под своими короткими ногтями – которые сейчас не округлые и ухоженные, как всегда, а грубые, все в заусенцах. Пальцы дрожат, когда я подношу их к глазам; мозг силится связать то, что я вижу, с попытками вспомнить, как же они стали такими. Какая-то правдоподобная причина набившейся под них грязи так в голову и не приходит.

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

– У тебя там все в порядке, милая? Чего так застряла?

Это Марк. Ну естественно... А кто же еще? Перед моим мысленным взором по-прежнему проносится вереница образов – словно тараканы, спешащие скрыться из виду, но никак не могу ухватить ничего, что имело бы хоть какой-то смысл.

– Да, все нормально, – отзываюсь я, сосредоточившись на серой «под мрамор» плитке над раковиной, пока изрекаю эту откровенную ложь. Не осмеливаюсь сказать ему, что даже

не помню, как встала с постели, или что очнулась на холодном, выложенном плиткой кухонном полу вся заочеченевшая, с ноющим телом, провалявшись там бог знает сколько времени, прежде чем прокрасться обратно наверх и в ванную, где в страхе и заперлась, жутко боясь... Чего боясь? Чего-то. Чего-то не знаю чего.

Давненько со мной не случалось таких вот провалов в памяти, как этот... Ночные кошмары – это да, но никаких эпизодов с лунатическими выходами из спальни или из дома, с тех самых пор, как... «О господи!» Делаю глубокий вдох и натужно сглатываю, пытаюсь затолкать обратно поднывающую было панику. Что-то затаилось в самой глубине головы – что-то плохое. Наверное, пока я просто не могу вспомнить, что именно, но не сомневаюсь, что оно еще поднимет свою уродливую голову. Всплывет на поверхность и явит мне себя так, что, несомненно, застигнет врасплох.

– Ты опоздаешь, Джен, – уже помягче произносит Марк, который наверняка чувствует: что-то стряслось. Либо так, либо он нашел мое брошенное обручальное кольцо и переживает, что это опять повторилось. Воспоминание о том, как я в прошлый раз сдернула кольцо с пальца и швырнула его в Марка, все еще свежо в моей памяти. Невольно съеживаюсь, припомнив поток брани и оскорблений, которые слетали тогда с моего языка. Это был далеко не самый лучший момент в моей жизни.

– Еще минутку! Не поторопишь там пока детишек вместо

меня? – Стараюсь изо всех сил, чтобы мой голос звучал ровно, несмотря на захлестывающий меня страх. Куда девалось кольцо и почему у меня грязь под ногтями?

Оттираю их маленькой щеточкой, наверное, чуть ли не добрых десять минут, прежде чем покинуть убежище ванной с грязной пижамой в руках. Поднимаю крышку бельевой корзины и заталкиваю пижаму поглубже под остальные шмотки. Не хочу, чтобы Марк ее увидел.

Что, черт возьми, я делала этой ночью?

Глава 2

Марк

Сфокусировать зрение удастся не сразу. Протягиваю руку на другую сторону кровати, но там пусто. Который час? Состояние заторможенное – наверняка из-за бутылки красного, которую я приговорил вчера вечером, – и трещит голова. Что ж, сделаем вид, что «мой организм не привык так мало спать» – отмазка, которой я люблю тешить себя, прекрасно сознавая при этом, что дело просто в похмелье. Бухать посреди недели – отнюдь не лучшая затея. Хотя всякий раз, решая поддержать чью-то компанию, я вроде забываю об этом. «Это обязательно надо было отметить», – говорит голос в моей голове. Я и вправду люблю отмечать каждое свое достижение, каким бы чепуховым оно ни казалось, – и вчерашний вечер случился лишь потому, что я повстречал своего старого университетского дружка, который сразу же вознамерился поднять мой айтиш-ный бизнес на новые высоты. По крайней мере, в чем он меня неоднократно заверил. Хотя подробности того, каким именно образом он собирается мне в этом посодействовать, на данный момент довольно туманны.

Медленно выпутываюсь из одеяла и, спотыкаясь, бреду в ванную комнату. Там льется вода – Джен, должно быть, со-

бирается на работу. Падаю обратно на кровать и хватаю свой мобильник с прикроватного столика. Прищуриваюсь на дисплей. Ни хрена себе – семь утра! Видать, не сработал будильник. Не то чтобы я человек привычки или что-то такое, но последние десять лет каждый божий день ставлю будильник ровно на шесть утра. И каждый раз, когда он срабатывает, я встаю. Даже если, как нынешним утром, вставать нет ни сил, ни желания. Так почему же сегодня...

Потому что будильник выключен.

Но ведь не сам же я его выключил?

Лежа и отвернув голову от света, проникающего сквозь занавески, пытаюсь вернуться обратно по собственным следам. Джен была уже в постели, когда этой ночью я ввалился в спальню, – залегла спать, не дожидаясь меня, пока я допивал последние капли вина, по второму разу пересматривая какой-то эпизод «Во все тяжкие»¹. Я поцеловал ее на ночь, положил телефон на столик и отрубился, едва только голова коснулась подушки. Даже не стал проверять, нет ли пропущенных вызовов, и явно не припомню, чтобы выключал будильник. Хмурюсь, опять чиркаю пальцем по экрану, чтобы убедиться, что завтра он все-таки сработает, и снова встаю. Джен уже торчит в ванной гораздо дольше обычного.

– У тебя там все в порядке, милая? – спрашиваю через дверь.

¹ «Во все тяжкие» (*англ.* Breaking Bad) – американский криминальный телесериал, впервые транслировавшийся с 2008 по 2013 г.

Она отвечает, что да. Говорю ей, что она рискует опоздать, гадая при этом, не отрубился ли и ее будильник. И тут, вздрогнув, сознаю, что тоже опаздываю. Джен просит меня проследить за Эллой и Элфи, и я подавляю вздох. Надо приготовить им завтрак и убедиться, что они собрали все необходимое для школы. Это последнее, что мне сейчас требуется, вдобавок к тому, что проспал – мой день и без того катится в тартарары. И как раз в тот момент, когда я укоряю себя за негативный настрой и повторяю себе, что день будет таким, каким я его выстрою, вдруг обращаю внимание на что-то блестящее на пушистом кремовом коврикe у изножья кровати. Дурнота подкатывает к горлу, когда я наклоняюсь подобрать крошечный предмет. Зажимаю его между большим и указательным пальцами и подношу к глазам; с моих крепко сжатых губ срывается стон. Это обручальное кольцо Джен.

Вот блин...

Если не считать того, что ей иногда приходится снимать его на работе, за все десять лет нашего брака оно соскальзывало с ее пальца всего только раз. И при этом разразился просто-таки ад крошечный. Вчера вечером она опять швырнула им в меня? Все-таки не настолько я был пьян, чтобы такого не запомнить... Всего-то с одной бутылки красного... Но что-то, однако, побудило Джен снять его. И вот теперь она прячется в ванной...

Смотрю на закрытую дверь, начиная уже откровенно бояться того, что меня ждет, когда она откроет ее. Но тут до-

несшиеся снизу вопли и визги напоминают мне, что надо ускорить наши обычные утренние дела. Выхожу из спальни и направляюсь на кухню, радуясь предлогу отложить выяснение причин, по которым Джен меня сегодня избегает.

Глава 3

Дженни

Когда я наконец спускаюсь в кухню, одевшись для работы, накрывшись и наклеив на лицо улыбку, у Марка все крутится и вертится, как хорошо смазанный механизм. Элла и Элфи в школьной форме сидят за столом и уплетают уже по второй порции тостов с «Мармайтом»², наготове стоят стаканы с апельсиновым соком, и как только сок будет выпит, обоим можно будет погрузить в машину и отвезти в начальную школу – к счастью, расположена она прямо в нашей деревне под названием Колтон-Кум. Сегодня Марк в кои-то веки собирался взять на себя эту обязанность, оставив мне лишь задачу забрать их с продленки и привезти обратно – чтобы я могла пораньше приступить к работе в своей ветеринарной клинике, – но, пожалуй, учитывая время и тот факт, что он практически раздет, мне придется самой проделать и то, и другое.

В такие моменты жалею, что он не воспользовался простором нашего дома, чтобы устроить свой офис прямо здесь – это избавило бы его от лишних хлопот, а также уменьшило накладные расходы, – но Марк был непреклонен в том,

² «Мармайт» – торговая марка бутербродных паст, производимых в Великобритании компанией Unilever.

что нужно трудиться подальше от дома, где можно отделить работу от семейной жизни. Так что на данный момент его рабочее место находится в Эксетере, минутах в сорока езды на машине. Один из плюсов моей клиники в том, что расположена она прямо на окраине нашей деревни, и добираться туда за считанные минуты – никакой толчеи в час пик, никаких забитых транспортом развязок и дорожных пробок, – поэтому доставка детей в школу и обратно обычно на мне. Но поскольку нынешнее утро началось совсем не так, как планировалось, приступить к работе пораньше мне явно не светит.

Марк бросает на меня взгляд, когда я вхожу; его большие темные глаза полны тревоги.

– Доброе утро, – говорит он, ставя свою кружку обратно на стол. Никаких тебе «милая-любимая» в конце, как обычно. Проглатываю свое беспокойство и отвечаю на приветствие со всей жизнерадостностью, какую только могу изобразить, – быстро подхожу к нему, наклоняюсь и целую в губы. Плечи у него заметно опадают – напряжение отпускает их. Он явно ожидал другой реакции.

– Ну а вы двое сегодня просто молодцы! – Подхожу к Элле и Элфи, по очереди целую их в макушки, взъерошиваю им волосы.

– Ой, ну мама-а! – недовольно стонет Элфи, поспешно приглаживая свою темную копну. Элла лишь молча закатывает глаза и от комментариев воздерживается. Марк броса-

ет взгляд на них, потом снова на меня. Физическое напряжение, может, его и отпустило, но атмосфера остается гнетущей, и я понимаю, что должна сама сделать первый шаг.

– Не пойму, что случилось с будильником, – наконец отваживаюсь я. – Прости, что застряла в ванной, – давай иди и тоже собирайся. Я сама отвезу детей в школу.

Подхожу к нему и обнимаю за голые плечи, опуская взгляд на его сексуальный смуглый торс. Его руки тянутся вверх, накрывая мои, и на миг мое беспокойство тает от их тепла. Но тут Марк резко допивает остатки кофе из кружки и встает. Он на фут выше меня, довольно поджарый, но с эффектными, четко очерченными мышцами на груди и предплечьях – поддерживает себя в отличной форме, регулярно посещая тренажерный зал и катаясь на велосипеде. Его физическая сила всегда была тем, что меня в нем восхищало. Одним из тех его качеств, что первым делом и привлекли меня, когда мы только познакомились одиннадцать лет назад – но это также и то, что иногда пугает меня. Как бы ни полна я была решимости выбрать спутника жизни, который являлся бы как можно большей противоположностью моему собственному отцу, у них это все-таки общее.

Отбрасываю эту мысль, когда Марк берет меня за руку, поворачивает ее ладонью вверх, кладет в нее мое обручальное кольцо и вопросительно глядит на меня.

– У нас все в порядке, Джен?

У меня перехватывает горло.

– Да, – отвечаю я, стараясь смотреть ему прямо в глаза. И тут же признаюсь: – Хоть убей, не помню, как сняла его.

Надеваю кольцо обратно на палец, и Марк заключает меня в объятия. Дарящие тепло. Чувство безопасности. Надежности. Или как это было до совсем недавних пор.

– Жаль, что нельзя простоять так весь день, – мурлычу я в его гладкую грудь, а затем отстраняюсь, улыбаясь своему мужу. Человеку, который был рядом со мной все эти годы, отцу моих детей. Он хороший отец – и вправду хороший. Элла и Элфи для него всегда на первом месте, и он возится с ними, никогда не повышая голоса и не теряя терпения – всегда выкладываясь на все сто. Он все время здесь, с ними, а не исчезает регулярно на несколько дней, как, бывало, мой собственный отец. Не оставляет их наедине с матерью-психушей.

Хотя, пожалуй, это как посмотреть...

А я что – не психуша? У меня бывают ночные кошмары и, что гораздо более тревожно, необъяснимые моменты, когда я совершенно не отдаю себе отчета в том, что делаю. Бывали случаи, типа как этой ночью, когда я просыпалась не в собственной постели и никак не могла вспомнить, где была до этого. Так, может, и про меня можно такое сказать? Но я просто обязана верить, что я столь же хорошая мать, как он – отец. Мы – команда. Несмотря на то, что он натворил в прошлом году. Хотя, как бы я ни старалась вытеснить это из памяти, отголосок недоверия все равно прочно засел где-то

в самой глубине головы – словно пробка, намертво застрявшая в бутылке.

– Мне тоже, зайка. Но счета не будут...

– Оплачиваться сами, – произносим мы в унисон.

– Послушай, – продолжает Марк, – если у тебя вдруг выиграло что-то в голове...

– Потом обсудим, – говорю я с улыбкой, чтобы успокоить его. Мне нужны следующие восемь часов, чтобы придумать подходящее объяснение – причину, по которой я так себя чувствую. Таковую, которая не потребует выложить ему все как на духу.

Глава 4

Дженни

К тому времени, как выбегаю с детьми из дома, чтобы прыгнуть в машину, я уже настолько взбудоражена, что чувствую жар. Поспешно прощаюсь с оставшимся наверху Марком уже с крыльца, прежде чем захлопнуть за собой дверь и разблокировать брелоком центральный замок машины.

– А почему нас папа не отвозит? – спрашивает Элла, вытаскивая свое детское креслице из заднего отсека моего универсала «Вольво» и нацеливаясь пристроить его на правом переднем сиденье.

– Э-э... послушайте-ка, барышня, – говорю я, нахмутив брови. – Ты же знаешь, что должна сидеть сзади, поскольку это...

– Зако-о-он, – заканчивает Элла, и выражение ее лица становится насмешливым, когда она вытаскивает кресло обратно. – Но попробовать стоило.

Тот факт, что все члены нашей семьи способны с легкостью заканчивать начатые другими фразы, ясно свидетельствует о том, что мы слишком часто повторяем одно и то же. Просто-таки сплошной День сурка.

– Потому что сегодня утром у нас не сработал будильник, мы опаздываем, а папе нужно быть на работе к половине де-

сятого.

Я благодарна хотя бы за то, что по крайней мере Элфи спокойно забрался в свое собственное креслице и пристегнулся ремнем без посторонней помощи и напоминаний.

– Молодец, Элфи, – говорю я, бросая на Эллу взгляд, ясно говорящий: «Вот видишь, твой шестилетний брат ведет себя лучше, чем ты».

– И все-таки, – говорит Элла, после чего показывает мне язык.

– Фу! Ты не думаешь засунуть эту штуку обратно в рот, а?

– Ха-ха, мам...

Клянусь, Элла уже начала понемногу превращаться из ребенка в подростка, хотя ей всего восемь. Когда иду к водительской дверце, мой взгляд падает на фасад дома, и я обращаю внимание на черный мешок для мусора, который валяется возле крыльца. Наверное, просто не заметила его, когда мы выбегали из дома. Времени на возню с ним уже нет, так что пускай себе лежит. Потом посмотрю, что это такое. Но тут моя рука застывает над ручкой дверцы. Нет. Нельзя просто оставить этот мешок – надо проверить, что в нем и почему его там бросили.

– Любопытство сгубило кота... – бормочу я себе под нос, после чего бросаю в сторону заднего сиденья: – Буквально две секундочки, детки.

Трусцой возвращаюсь к крыльцу. На мешке ничего нет – никаких эмблем, логотипов или чего-то еще. Зеленый шну-

рок горлышка не затянут и не завязан – верх просто скручен, как тряпка. Наверное, это Марк положил его туда, собираясь потом бросить в большой бак на колесиках. Но тут вспоминаю, что у нас нет черных мешков для мусора – я покупаю только белые, которые идеально подходят к нашему мусорному ведру с качающейся крышкой. В животе вдруг екает, и некое давно похороненное воспоминание мимолетно всплывает на поверхность, когда я приподнимаю мешок. Он довольно тяжелый. Что-то заставляет меня колебаться, и почему-то я внезапно не хочу знать, что там внутри.

– Давай быстрее, ма! – кричит из машины Элла.

– Да, прости. Просто нужно кое-что сделать...

Беру мешок и быстро оглядываюсь по сторонам. Длинная гравийная подъездная дорожка пуста, от соседей не слышно ни звука – отсюда даже не видно их домов. Захожу за угол, где стоят мусорные баки и ящики для перерабатываемых отходов. Укрывшись от взглядов детей, опускаю мешок к ногам и присаживаюсь на корточки. Руки у меня дрожат, когда я осторожно разматываю верх; адреналин так и пульсирует в венах. Как будто мое тело уже знает, что там, внутри, раньше меня самой.

Запах поражает меня первым, и подкатывает тошнота.

– Господи! – Машинально отворачиваюсь.

Внутри – кашеобразное месиво. Останки какого-то животного – судя по размерам и очертаниям, кот или кошки. С какой это стати кому-то понадобилось подбрасывать это

мне на порог? *Живых* животных мне, бывало, оставляли рядом с домом – народ здесь все-таки в курсе, что я ветеринар. Марк в таких случаях шутит, что я тут типа как местный ответ обладателям нежелательных домашних питомцев – в некотором роде эквивалент благотворительной больницы, к дверям которой подбрасывают незаконнорожденных младенцев. Но вот *останки* домашнего животного – это что-то новенькое. Зачем такое проделывать? Никакая правдоподобная причина в голову так и не приходит. Разве только чтоб напугать, вызвать отвращение? Слезы жгут мне глаза. Ну как кто-то мог так поступить с беззащитным домашним животным? Очень надеюсь, что оно не страдало. Собираюсь уже опять скрутить верх мешка, как вдруг замечаю кое-что еще.

Сердце у меня падает.

Аккуратно отворачивая края черного пластика вниз, открываю изуродованный трупик почти целиком – сбоку от кишок свернулся хвост, рыжий и полосатый. Он более-менее цел, хоть и окровавлен.

Бедняжка... Выходит, это определенно кот или кошка.

Но не это заставляет меня придушенно охнуть.

Это мертвая бабочка, лежащая сверху.

Отшатнувшись от мешка, я бросаюсь в сторону дома, и меня тошнит.

Это не может быть простым совпадением.

Кто-то явно знает.

Глава 5

Дженни

– Доброе утро, Джен, слава богу! А то я уже начала волноваться... – Хейли отъезжает на стуле от стойки регистратуры и встает, протягивая ко мне руку, чтобы передать какой-то листок бумаги. – Вот расписание утренних операций. Ниша уже провела предварительный осмотр и взяла анализы, Ванесса готовит операционную, и я всех зарегистрировала.

Голос у нее звучит отрывисто, по-деловому.

– Большое спасибо; прости, что опоздала. – Я еще взбодражена, и куда сильнее, чем когда-либо. – Самир еще не пришел?

– Нет, и Эби тоже. Не пойму, что сегодня утром творится – кто в лес, кто по дрова... Сама знаешь, что дело не будет идти как по маслу, если все не будут вовремя находиться на рабочих местах. Все было бы не так плохо, если б ты не расширила спектр предлагаемых нами услуг.

Щеки у Хейли розовые, но остальная часть лица бледная. Вид у нее усталый. Она работает тут дольше всех, не считая меня и Самира. Мы с ним основали эту ветклинику под жизне-нерадостным названием «Уэлл-Кум»³ после долгих дискус-

³ Игра слов: название клиники (Well Combe) близко по звучанию к английскому welcome – «добро пожаловать».

сий, начавшихся за пинтой пива и большим бокалом вина – на ужине в честь открытия другой такой частной клиники. Я работала ветеринаром с того самого момента, как получила диплом, но всегда на кого-то другого. И когда мне стукнуло тридцать пять, поняла, что не хочу вечно продолжать в том же духе, так что по пьяни поделилась своим «великим планом» с Самиром, которому, как оказалось, тоже надоело трудиться на чужого дядю. Мы тогда решили, что это было вмешательство свыше.

К счастью, деньги на покупку помещения и прилегающей земли у нас имелись – благодаря родителям Самира и бабушке с дедушкой Марка, которые оставили ему значительную сумму после своей смерти. Марк рассматривал это как выгодное вложение капитала, надеясь, что со временем на этой территории можно будет построить небольшое здание и для его айтишной фирмы.

Поначалу в нашей клинике даже не имелось младшего и среднего медперсонала – список клиентов был относительно невелик, и со всеми такими вопросами прекрасно управлялась Хейли, в то время как мы с Самиром занимались непосредственно лечением и уходом за домашними животными. Однако наш план всегда заключался в том, чтобы расширить бизнес, и три года назад все наконец срослось, когда мы наняли Ванессу, которая сейчас у нас старшая медсестра. Ниша присоединилась к нашему дружному коллективу сравнительно недавно – примерно в то же время, что и Эби, кото-

рую Хейли сейчас натаскивает на администратора, но которая еще и мечтает стать ветеринарной медсестрой. Эби умна, полна энтузиазма и достаточно молода, чтобы «вылепить» из нее то, что нам надо. Все у нас просто прекрасно, и все мы отлично ладим – наши умения и навыки удачно дополняют друг друга.

Хейли в последнее время неважно себя чувствует из-за обострившегося артрита, и мне неприятна мысль, что я заставила ее поволноваться.

– Иди выпей кофейку. Я сейчас позвоню Самиру и Эби – не сомневаюсь, что они уже едут. Не знаю, может, где-то авария или что-то в этом роде, потому что на дорогах жуткие пробки – в среду такого обычно не бывает.

– Тогда, наверное, что-то случилось на автостраде – в таких случаях обычно все ломаются в город через деревню. – Хейли фыркает и торопливо уходит в сторону ординаторской, пока я делаю несколько глубоких вдохов и пытаюсь восстановить контроль над происходящим. Мне не дает покоя какое-то странное чувство, но я никак не могу точно его определить – типа как дежавю, но не совсем. Едва только собираюсь позвонить Самиру, как тот врывается в приемную.

– Охереть, что за блядское утро! – Руки у него нагружены картонной коробкой и какими-то папками, поверх которых лежит сумочка для ланча с персонажами «Мстителей» от «Марвел» – «временно позаимствованная» у его семилетнего сына, поскольку Даффи, живущий в их семье какаду,

изорвал в клочки его собственную, опрометчиво оставленную валяться где попало. Элла и Элфи отчаянно хотят собаку, но я, если честно, побаиваюсь дополнительной ответственности. Вместо этого детям был обещан кролик, хоть и без указания конкретной даты его появления. Надеюсь, что выйдет протянуть с этим обещанием до следующего года или около того.

Улыбаюсь Самиру, качая головой. Употребляемые им ругательные слова ужасны, но он произносит их так, что это никогда не звучит оскорбительно. Думаю, это из-за его акцента, который придает его сквернословию некое очарование, хоть акцент и заметно ослаб с тех пор, как мы только познакомились, обучаясь в Плимутском университете. В наших краях нет большого индийского землячества, и поскольку Самир живет в Девоне уже почти двадцать лет, иногда я улавливаю, как в его речи проскальзывает чисто девонский выговор и диалектные словечки. В присутствии клиентов я просила его воздерживаться от нецензурных выражений, но когда мы вдвоем, он вполне может дать волю чувствам.

– Значит, не только у меня? – отзываюсь я, кладя трубку. – У нас не сработал будильник. Едва успела собрать детей и закинуть их в школу, а потом еще и застряла в пробке, чего здесь никогда не бывает... Теперь весь день пойдет вкривь и вкось.

– Главное, чтобы Марк не слышал, как ты это говоришь. Разве он не любит повторять, что день будет таким, каким

ты его сделаешь?

– Ха! Да уж, он просто-таки образец позитивного мышления. – Я поднимаю брови.

Самир смеется и торопливо проходит через приемную, развернувшись и толкнув спиной распахивающиеся двери, прежде чем исчезнуть в своей смотровой. Мы дружим достаточно долго, чтобы без всякой неловкости подшучивать не только друг над другом, но и над нашими супругами. Лучшего делового партнера и друга мне и желать не приходится.

Опять повернувшись к телефону, набираю номер Эби. После двух гудков ее мобильник переключается на голосовую почту. Оставляю краткое сообщение: «Надеюсь, все в порядке», и по коже у меня пробегает какое-то неуютное чувство. Может, она тоже просто застряла в пробке... Иду к своему кабинету, и едва открываю дверь, как меня приветствует собачий лай. Удивление смешивается с облегчением, когда я вижу, как Эби изо всех сил пытается управиться с большим золотистым ретривером – все, что мне видно, это мелькание меха и ее рук, когда она пытается усадить его на весы.

– О, ты уже здесь! – говорю я, наконец-то сбрасывая пальто, чтобы поспешить ей на помощь. – Когда ты успела просочиться сюда?

– Ниша... впустила меня... с черного хода... – Эти слова судорожно вырываются у нее, пока она борется с псом. Едва сдерживаю смех.

Требуется несколько попыток, чтобы удержать упрямца достаточно надолго, чтобы определить его вес, но в конце концов нам это удается, и Эби записывает данные в электронную медкарту. Она одергивает свою униформу, а затем приводит в порядок конский хвостик, распустившийся во время борьбы, – расчесывает длинные пряди цвета черной патоки кончиками пальцев, убирает их назад и стягивает резинкой.

– Вообще-то это не входит в твои должностные обязанности, – говорю я. – Но все равно спасибо.

– Я просто хотела помочь, тем более что немного припозднилась. Увидела очередь из клиентов, и мне стало стыдно – подумала, что стоит малость ускорить процесс. Но, пожалуй, учитывая мою неудачную попытку, лучше мне придерживаться канцелярской работы. – Запрокинув голову, Эби неловко смеется и выбегает за дверь.

Слишком поздно понимаю, что надо было поправить ее – похвалить, а не позволять ей думать, будто она плохо справилась с работой, – но мыслями я по-прежнему где-то не здесь. Хотя пора уже возвращаться с небес на землю, поскольку через двадцать минут нам с Самиром и Ванессой предстоит провести первую хирургическую операцию дня.

«Соберись!»

В момент передышки, после обеденного перерыва, образ изуродованной кошки опять врывается в сознание. Во время операций я успешно сдерживала его, но теперь он опять пробился в голову. Кто мог такое сделать? Если б не бабочка, можно было бы списать все это на дорожное происшествие или что-то в этом роде – например, прямо возле нашего дома эту кошку сбила машина, и водитель использовал подвернувшийся под руку полиэтиленовый пакет, чтобы убрать туда останки и подсунуть мне под порог, потому как предположил, что кошка моя. Безобидное, аккуратное объяснение. Но бабочка разрушает эту теорию.

Бабочка окончательно портит всю картину...

Дверь ординаторской распахивается, и у меня перехватывает дыхание, когда меня резко выдергивают из этих размышлений.

– А-а, Эби, – говорю я, переводя дух. В руках у нее маленькая картонная коробочка в розовую полоску.

– Пирожные с кремом от Келли – просто не смогла устоять. Простите, но как раз поэтому и опоздала – пришлось дожидаться, пока она откроется, а потом ей потребовалось какое-то время, чтобы обслужить меня. Я подумала, что оно того стоит.

Эби бросает на меня встревоженный взгляд и протягивает

мне руку с открытой коробкой. Она что, думает, что я собираюсь устроить ей выволочку? Надеюсь, я не такого рода начальница. Улыбаюсь, тоже стремясь восполнить свое предыдущее упущение. Мой взгляд останавливается на коже руки Эби, когда длинный рукав ее рубашки-поло задирается, открывая череду рельефных белых линий, одна за другой попеременно перечеркивающих внутреннюю сторону предплечья. Отголоски душевной травмы, с беспокойством думаю я и отвожу глаза.

– Спасибо, Эби. И вправду заманчиво выглядит. – Протягиваю руку, достаю шоколадную булочку с заварным кремом и откусываю кусочек. – О... боже ты мой! – бубню с набитым ртом. – С самого детства ничего подобного не пробовала. Вот моя мать некогда... – Тут я вдруг замолкаю.

– Некогда?.. – подталкивает меня Эби.

– А-а... – пренебрежительно отмахиваюсь. – Ничего особенного.

Откусываю еще один большой кусок, так что больше разговаривать не могу. Не хочу портить день, вовлекая эту практически девчонку в подобный разговор. Это первый раз за целую вечность, когда я по-настоящему подумала о матери. Иногда какая-нибудь случайная чепуха вдруг ни с того ни с сего вызывает какое-нибудь связанное с ней воспоминание, всплывающее в голове, но большую часть времени мне удается держать все, что я когда-либо знала о своей матери, прочно запертым в темных, затянутых паутиной закоулках

моего сознания. Больше двадцати лет миновало с тех пор, как мне приходилось видеть перед собой ее лицо с жесткими чертами.

– Ее уже нет в живых? – спрашивает Эби с сочувственным выражением на лице. Судя по всему, она думает, что именно поэтому я и не хочу продолжать разговор о ней. Было бы намного проще попросту ответить «да», но я ловлю себя на том, что говорю как есть.

– Нет. Или, по крайней мере, по-моему. Да я и не узнала бы, если что. Мы не поддерживаем связь. – Натянута улыбаюсь.

Если Эби и шокирована моим признанием, то хорошо это скрывает.

– Простите, – говорит она. – Это очень печально.

Пожимаю плечами.

– Думаю, что да, во многих отношениях. Но мне как-то лучше без нее.

Я чувствую некоторый дискомфорт, обсуждая с Эби подобные темы, – она молода, плюс относительно новый сотрудник, а не подруга. Хотя, может, как раз по этой причине я и решила открыться ей. Но сказанного пока достаточно, так что я отвлекаю внимание от собственной персоны.

– А у тебя хорошие отношения с мамой?

– Ой, да знаете – бывает по-всякому, на самом-то деле. – Теперь уже Эби пренебрежительно отмахивается. – Иногда на нее находит, но мне и без того кажется, что порой она

сожалеет о том, что у нее есть я.

Только моргаю, не зная, что и сказать, – хоть нас в чем-то и объединяют не особо заботливые матери, ее ситуации я не знаю. Но могу гарантировать, что ситуация не такая же, как у меня, за исключением этого единственного сходства. В голове всплывает воспоминание о том, как моя мама оттащивала меня от входной двери, когда мои друзья проходили мимо по дороге в школу. Она боялась, что ее маленькая девочка сорвется – сбежит вслед за ними из твердыни четырех стен, оставив ее там одну. «Ты ведь не такая, как они, – тебе лучше учиться дома, со мной. Тебе ведь нравится проводить время с мамой, верно?»

На секунду крепко закрываю глаза, прежде чем мысленно оглядеться в поисках иной темы для разговора.

– Спасибо, что утром решила помочь, – я рада, что ты всерьез подумываешь о том, чтобы получить диплом ветеринарной медсестры. Быть секретаршей – тоже здорово, но я могу сказать, что у тебя гораздо более серьезные амбиции.

– Да, это так! – Ее лицо расцветает. – Очень хочу стать такой, как вы. У вас потрясающая карьера и замечательная семья. И всего этого вы добились сами – у меня просто нет слов!

– Гм, Эби, это очень любезно с твоей стороны. – Издаю нервный смешок. Если б она только знала, что происходит на самом деле! – Иногда приходится приложить немало усилий, чтобы сбежать от своего прошлого и поверить в себя.

– Да, мне немного не хватает уверенности в себе. – Эби опускает взгляд. – Трудно поверить, что ты чего-то стоишь, когда другие твердят тебе, что ты никогда в жизни ничего не добьешься, – добавляет она дрожащим голосом.

В горле у меня образуется комочек – ее слова вызывают сочувствие.

– Ну что ж, ты еще докажешь, что они ошибаются, Эби. Я полностью в тебе уверена – постарайся и ты не терять веры в себя. Ты тут и вправду очень хорошо справляешься. Я очень довольна, что мы взяли тебя на работу.

– Да, я тоже. – Она одаривает меня широкой улыбкой. Ее личико с высокими острыми скулами и маленькими круглыми глазками, только что ожесточенное, становится вдруг вдохновенным и крайне привлекательным. Сейчас Эби напоминает мне Белоснежку – с ее черными волосами и кремовым цветом лица. Я на полном серьезе сказала, что довольна, наняв ее. Есть в ней что-то такое, из-за чего хочется взять ее под свое крыло. Но не могу не признать, что и сама точно не знаю, ради кого это делаю – ради нее или ради себя. Как будто я просто вынуждена сделать что-то по-настоящему хорошее, чтобы загладить вину за свою семейную историю – за все плохое в ней. Полагаю, отчасти по этой причине я и решила податься в ветеринары – хотела исцелять то, что болит.

Глава 6

Марк

Сердце у меня так и колотится о ребра. Склоняюсь над холстинной бельевой корзиной, придерживая ее крышку вдруг напрягшейся рукой, и смотрю на ворох одежды внутри. Когда я убирал туда свои спортивные штаны, то заметил край пижамы Дженни, и теперь почти сгибаюсь пополам, будто мне только что врезали в живот. Вижу, что материя влажная, и могу сказать, что коричневые пятна – это уличная грязь, даже не вытаскивая пижаму, чтобы получше рассмотреть. В ней Джен была прошлой ночью, и все же теперь эта вещь лежит под прочими грязными шмотками. Как будто нарочно спрятанная. Ее обручальное кольцо, непонятно как оказавшееся на полу, могло, конечно, слететь и само по себе. Но, вместе со все более странным поведением Дженни, это открытие уже не позволяет мне и дальше отбрасывать свои страхи в сторону.

Я всегда знал, что некоторые аспекты своей жизни Джен старательно от меня скрывает: еще при нашем знакомстве она чуть ли не первым делом сообщила, что детство у нее было «сложным и неудовлетворительным», кульминацией чего стал ее уход из дома при первой же возможности – Дженни поступила в университет и уже никогда больше не возвраща-

лась к своим корням. Поведав мне самый минимум, она попросила меня больше никогда не затрагивать эту тему. Никто из ее родственников на нашу свадьбу приглашен не был – так ей самой захотелось.

И по сей день я ни разу не настаивал ни на каких подробностях. Даже во время одного из ее ночных кошмаров, когда она проснулась вся в ужасе, с криком: «Они идут за мной!» и несколько раз повторила: «Я не такая, как он!» – я не стал задавать ей никаких вопросов. Даже после тех случаев, когда находил ее без сознания, замерзшую и дрожащую, на кухонном полу или в саду, где она могла пролежать несколько часов, и то не спрашивал ее, откуда у нее эти кошмары и отключки с провалами в памяти – не дело ли в ее прошлом, которое продолжает преследовать ее?

Сама же она никогда не давала никаких объяснений.

Это лишь одна из «неизвестностей», как я сам их называю, касательно моей жены – которых вообще-то несколько. Иногда я ловлю себя на том, что задаюсь вопросом: только ли меня она держит в неведении или же не способна довериться даже хотя бы Ройшин. Но и в ту пору, когда мы почаще проводили время с ее лучшей подругой и ее мужем Гарри, Джен всегда быстро меняла тему, если разговор вдруг касался каких-то детских воспоминаний, так что, скорее всего, Ройшин тоже знает ее не настолько хорошо, как думает.

Однако, несмотря на все эти пробелы в моих знаниях, я всегда поддерживал Дженни. Любил ее. Доверял ей.

А вот она мне не доверяет. Это долго нагнаивалось где-то под спудом еще с прошлого года, угрожая вырваться наружу и распространить повсюду свой яд – медленно, но верно разрушая наш брак. И вот сейчас, глядя на кучу грязной одежды, я понимаю, что как раз поэтому-то она утром и заперлась в ванной – именно по этой причине и пряталась там от меня.

Это случилось опять.

Как я мог такое проглядеть?

«Ты был пьян».

Опускаю крышку корзины на место и плюхаюсь на кровать. Лунатизм – отключки с провалами в памяти – явление для Джен достаточно редкое: в основном она страдает от ночных кошмаров. Но в прошлом году такие случаи участились. От воспоминаний об этом у меня сводит живот. В конце концов, в этом была моя вина. Но я делал все, что мог, чтобы она не причинила себе вреда, в том числе однажды забаррикадировал дверь. Ничего из этого не вышло, поскольку Элфи нуждался в нас той ночью и был в полном отчаянии, когда не смог попасть в нашу комнату. Джен была в ярости, поэтому с тех пор я больше заботился о том, чтобы вовремя перехватить ее, не дать ей выйти из дома – следуя за ней по пятам и уговаривая вернуться в постель.

Но в данном случае она, видно, все-таки как-то выскользнула из сети. Насколько мне известно, до сих пор такое случилось лишь однажды.

Остается лишь гадать, куда Джен отправилась на этот раз.

Глава 7

Дженни

День, столь плохо начавшийся, на самом-то деле закончился хорошо, и я чувствую себя спокойно и расслабленно, когда заруливаю на подъездную дорожку и паркуюсь рядом с «Ауди» Марка. Наверное, я чересчур уж остро отреагировала на утреннюю ситуацию – и на свою отключку, и на изуродованную кошку. Самые простые объяснения – часто самые верные, и теперь я куда более уверена, что сделала поспешные и неправильные выводы. Давайте посмотрим правде в глаза – далеко не впервые. Вряд ли после всего этого времени кто-то из моего прошлого каким-то образом выяснил, где я живу – это крайне маловероятно, особенно учитывая тот факт, что сейчас я в паре сотен миль от своего родного города и даже зовут-то меня теперь по-другому.

В смысле, откуда они могли узнать? Мне целых одиннадцать лет удавалось держать это в тайне даже от собственно мужа, и нет абсолютно никакой связи между мной и моей бывшей родней. Бабочка – это просто дурацкое совпадение. Скорее всего. Вероятно, она совершенно случайно залетела в мусорный бак – присела на кровавое месиво и прилипла к нему. Чувствую себя чуть ли не полной дурой, что утром так суматошно на это отреагировала.

Едва переступаю порог дома, как меня сразу же встречает аромат тушеной курицы по-ямайски, и я упоенно втягиваю воздух ноздрями, когда вхожу в кухню.

– Господи, пахнет просто божественно, – говорю Марку. Он, облаченный в синий клетчатый фартук, потрясает в ответ пластиковым половником и яростно помешивает им в кастрюле. Элфи и Элла смеются над ним, сидя за столом с ножами и вилками в руках.

– Спасибо, что забрал детей с продленки. Привет, дети, – я поворачиваюсь к ним. – Как прошел день в школе?

Элла морщит нос, и жду, что она ответит своим обычным «А я уже и не помню, чем мы там занимались».

– Хорошо прошел, – говорит она вместо этого. – Мы готовим один проект по биологии. Это круто.

– Ой, *да ну?* – Поднимаю брови, удивленная неподдельным восторгом в ее голосе. В последнее время Элла не проявляла большого интереса к школьным занятиям, и хоть я на этот счет особо не высказывалась, но все равно начала уже волноваться. Уже подумывала, не стала ли она объектом школьной травли. Но на данный момент Элла определенно довольна и счастлива, поскольку захлеб рассказывает что-то о местах обитания и физических характеристиках насекомых. Бросаю сумку на кухонную стойку, подхожу к Марку и целую его.

– Ну, а как прошел день у любви всей моей жизни? – Едва не вздрагиваю от своего выбора слов. Прошло много време-

ни с тех пор, как я обращалась к нему подобным образом, и, судя по выражению его лица, такая же мысль пришла в голову и ему.

– Весьма продуктивно. Хотя и немного напряженно. А у тебя? – На его лице лишь намек на улыбку, и я чувствую, что за отрывистым «а у тебя?» кроется нечто большее. Вопрос этот взведен, как пистолетный курок. Вроде как Марк злится на меня, не пойму почему. Я ведь утром уже объяснила ему про кольцо – поспешила его успокоить, – но между нами все равно повисло что-то невысказанное. Отступаю на шаг, внимательно изучая его лицо в поисках подсказок. Подозрение туманит мне разум, когда накатывает некое дурное предчувствие, все мои мышцы напрягаются. Как будто он знает что-то, чего не знаю я.

– Дел было невпроворот – как я, собственно, и люблю. – Пытаюсь говорить ровным голосом, несмотря на растущее беспокойство. – По-моему, все члены новой команды хорошо сработались, и сегодня у меня была хорошая беседа с одной из новеньких. Она чем-то напоминает меня саму в молодости.

Опускаю кончик пальца в кастрюлю с курятиной и картошкой – и моментально получаю по рукам.

– Не-е-ет! Не надо портить фирменное блюдо шеф-повара, миссис Джонсон, вам придется подождать. – Дети смеются, но тон у Марка резкий, и я могу сказать, что настроен он серьезно.

– Извини, – говорю, пытаюсь поймать его взгляд, но он избегает моего. – Есть что-то, о чем ты мне не рассказываешь?

Стараюсь произнести это как можно тише, чтобы Элла и Элфи не ощутили вновь возникшего напряжения в атмосфере.

– Ты что, не слышала новости? – Марк накрывает побулькивающую кастрюлю крышкой и отходит от плиты, направляясь в гостиную. Предполагая, что он не хочет делиться перед детьми тем, о чем сообщили в новостях, я следую за ним.

– Нет. Сегодня даже радио не включали. А что случилось?

Мы стоим прямо в дверном проеме – телевизор включен, но звук приглушен. Марк переводит взгляд с экрана на пол, глядя куда угодно, но только не на меня. В горле у меня встанет комок, и придется прокашляться. Что бы там ни случилось, но явно что-то очень плохое, чтобы вызвать такую реакцию у Марка. Наверное, я была права: сегодня утром произошла какая-то авария, которая и вызвала такие сумасшедшие дорожные пробки в деревне. Со смертельным исходом? Это кто-то, кого я знаю? У меня резко подскакивает пульс. О боже... что-то случилось с Ройшин? Мы с ней уже несколько недель не пересекались. Хотя нет, пожалуй... Марк бы мне этого так не подал, если б пострадала или погибла моя лучшая подруга. Делаю глубокий, успокаивающий вдох.

– Ну так что, Марк? Ради бога, в чем дело?

– Весь день только и говорят, что об одной местной женщине, которая пропала без вести. Пошла вчера вечером на

викторину в пабе, да так и не вернулась.

– В нашем пабе? – уточняю я, потрясенная и испуганная. Этого просто не могло произойти здесь, в Колтон-Кум, – я бы точно про такое услышала.

– Да, в «Юнионе», единственном и неповторимом, – подтверждает Марк, наконец подняв взгляд на меня. – Они начали поиски с раннего утра – судя по всему, когда ее сожигатель забил тревогу.

– Но как же мы не услышали всю эту суматоху?

– Мы поздно встали. И я слишком крепко спал, – говорит он, пожимая плечами. – Впрочем, в отличие от тебя – ты что, вообще ничего не слышала?

В голове у меня гудит. В данный момент я просто не могу признаться, что со мной приключилась очередная отключка с провалом в памяти – только не тогда, когда я еще не знаю, чем в тот момент занималась. Решаю прикинуться дурочкой.

– Нет, абсолютно ничего. На сей раз я действительно хорошо выспалась. Потому-то мы оба и проспали. Знаешь, как это бывает – когда крепко спишь, телу это типа как нравится и оно требует большего, – использую я один из его собственных излюбленных аргументов. – Да кто это, в конце-то концов? Кто пропал?

Кислота бурлит у меня в желудке, пока я жду его ответа. Это деревня, где практически все так или иначе знают друг друга, так что само собой разумеется, что мне должно быть знакомо имя, которое он назовет.

Марк пристально, не мигая, смотрит на меня. Как будто анализирует меня, пытаюсь что-то увидеть в моих глазах, и я ловлю себя на том, что молю бога, чтобы того, что он ищет, там не оказалось. Вздохнув и наморщив лицо, Марк очень тихо произносит:

– Оливия Эдвардс.

Все мои внутренности выворачивает наизнанку, и кажется, что пол качается у меня под ногами. Ковыляю к дивану и тяжело опускаюсь на него, пока не успела упасть. Сердце у меня колотится о ребра, его вибрации распространяются по всему телу, и все, что я слышу, – это шипение своей собственной крови и пульсирующую какофонию в ушах.

Я и вправду знаю Оливию Эдвардс. Мы оба ее знаем. Это та женщина, с которой у Марка был роман.

Глава 8

Марк

Едва только я услышал эту новость сегодня утром по дороге на работу, как уже не был способен думать ни о чем другом. К тому времени, как я добрался до своего офиса – комнаты, которую временно снимаю на одном из этажей здания связи, – голова у меня опять раскалывалась, несмотря на парацетамол, принятый от похмелья. На тот момент подробности были отрывочными, но когда я услышал ропот потрясенных и обеспокоенных обитателей деревни и увидел в местных новостях обсуждение последних известных перемещений Оливии, ужас вновь захлестнул меня, словно приливная волна.

А вот теперь пепельное лицо Дженни, ее черты, застывшие во взгляде, словно нацеленном на что-то в тысяче ярдов от нее, еще сильнее разжигают этот ужас. Я вижу не просто потрясение – это страх: ее расширенные зрачки почти скрывают темно-зеленые, как лесная листва, радужки. Пульс упруго бьется у меня в горле. В последний раз я видел лицо жены таким в прошлом году, когда с трудом вывел ее из состояния, похожего на транс, взяв за плечи и крепко встряхнув. Джен совершенно не помнила, чем занималась несколько часов перед тем, как я нашел ее такой. В тот вечер я здо-

рово выпил, и она встала с постели так, что я ничего не услышал.

До сих пор не знаю, как долго ее не было, прежде чем я проснулся и обнаружил, что ее сторона кровати пуста и уже остыла. Ничего другого мне не оставалось – пришлось отправиться на поиски. Даже сейчас все еще чувствую ту жуткую панику, сковавшую живот, пока я раскатывал по деревне, осматривая улицы. И до сих пор ощущаю тот укол вины, который испытал, осознав, где именно ее нашел. Видение того, как она стоит там, в саду Оливии, с камнем в руке, все еще живо в моей памяти. По-прежнему содрогаюсь при этом воспоминании.

Джен молча сидит передо мной, ее губы подергиваются. Вся деревня, а теперь уже и вся страна говорят об исчезновении Оливии, но меня интересует только то, что скажет она.

– Говорят, ее забрали прямо с улицы. – Мои глаза так и умоляют ее, когда я пытаюсь вырвать Джен из ее собственных мыслей.

– Забрали?

Это слово – не более чем шепот.

– Да. Похитили.

– Черт.

Чувствую укол раздражения. Разве она не собирается выдать нечто большее, чем такие вот односложные ответы?

– Я хочу сказать, это и вправду страшно, так ведь? В нашей маленькой деревне... Ну кто тут способен на нечто по-

добное?

Джен качает головой, а потом делает глубокий вдох.

– Понятно, – говорит она, быстро моргая, после чего выпрямляется. – Не стоит обсуждать все это сейчас. Давай поужинаем. Не хочу, чтобы дети знали, что что-то случилось.

Пристально смотрю на нее. «Давай поужинаем»? Как она может быть такой спокойной после того, что только что узнала? Прежде чем успеваю спросить, Джен встает с дивана и направляется обратно на кухню. Я стою столбом, ошарашенно застыв. Сам не знаю, какой реакции ожидал, но явно не чего-то подобного. Тихий голосок у меня в голове нашептывает, что она так себя ведет, потому что уже знала. Поведение Джен было и вправду странным, а еще эта грязная пижама, да ее обручальное кольцо, брошенное на пол...

– Нет. Только не это, – шепчу я, грубо растирая голову руками, чтобы заглушить этот голосок. Это просто совпадение, что прошлой ночью с ней случился провал в памяти, вот и все.

– Сам будешь подавать на стол? – кричит она из кухни.

– Да, буквально две секундочки. – С силой выдыхаю и расправляю плечи в попытке успокоиться, затем присоединяюсь к ним за столом.

Сплошные улыбки.

И все через силу.

Ну как мне не обращать внимания на предупреждающие красные флажки, которыми бешено машут у меня в голове?

Едва откусив кусок, тут же давлюсь – и чувствую на себе взгляд Джен, когда поспешно отпиваю глоток воды. Сейчас я не отказался бы от бокала красного, но мне нужна ясная голова на случай, если у Джен сегодня ночью будет еще один подобный эпизод. Кошусь на нее, перехватив ее взгляд, и мы неотрывно смотрим друг другу в глаза – кажется, чуть ли не несколько томительных минут. Невысказанное обвинение незримо витает над нами. Я не могу так уж винить Джен за недоверие, окутавшее наш брак в прошлом году.

Только не тогда, когда сам и стал его причиной...

Глава 9

Дженни

Усталость поглощает меня, но я все же лежу без сна, широко раскрыв глаза и уставившись в пространство. Свет уличного фонаря просачивается сквозь занавески в темную комнату, отбрасывая на потолок и стены причудливые тени – словно детский ночник-проектор, рисующий вокруг тебя океанские волны, призванные погрузить в блаженный сон. Иногда мне хочется снова стать ребенком, чтобы от таких штуковин был какой-то прок. Но потом я вспоминаю собственное детство и радуюсь, что больше никогда не придется пережить его заново.

Марк рядом со мной тих и неподвижен. Как мужчинам это удастся? Просто заснуть, пока ты даже не успела сосчитать до десяти? Это бесконечно меня раздражает. Так и подмывает растолкать его, чтобы он мог составить мне компанию в этом вязком болоте бессонницы. Случаи, когда я засыпаю хотя бы в течение часа после того, как ложусь в постель, крайне редки. С того ужасного периода в прошлом году вернулись нарушения сна из моего детства. Меня то и дело перебрасывает с бессонных ночей на ночи, наполненные ночными кошмарами и лунатизмом. Если только именно такими терминами и объясняются те моменты небытия, кото-

рые я испытываю, – я никогда не обращалась за медицинской помощью, страшась того, что правда будет выставлена на всеобщее обозрение. Поэтому изо всех сил стараюсь отрицать, что это вообще со мной происходит, хороня каждый подобный эпизод вместе с признанием существования своих родителей.

Марк всегда называл это «отключками» – то есть если мы с ним вообще о них упоминаем. Они были неотъемлемой частью моей жизни, то проявляясь, то пропадая, едва ли не столько, сколько я себя помню, – но если хорошенько подумать, то, пожалуй, все-таки можно достаточно точно определить момент их зарождения. Я уверена, что если бы когда-нибудь все-таки обратилась к психологу или психотерапевту, они бы тоже первым делом сосредоточились на том моменте, когда все это началось.

Это случилось, когда у меня впервые отобрали отца.

* * *

– Джейн! Джейн!

Джейн подскакивала всем телом на матрасе – руки матери трясли ее за плечи, выводя из глубокого сна. Заморгав, она открыла глаза, и где-то в животе сразу же зародилось чувство страха – закипело, вызывая тошноту. Лицо матери, зависшее в нескольких дюймах от ее лица, казалось призрачно-белым. И было сплошь залито слезами, словно те сочились изо всех

его пор. Джейн с трудом подавила крик.

– Что такое, мамочка? Что случилось? – Прозвучало это визгливо и пискляво, но вот с недосыпа ли или же от испуга, она и сама не поняла. Что происходит? Вроде еще не утро, когда пора вставать – в ее комнате все еще темно. Она уже несколько месяцев обходилась без ночника, наконец-то ощутив себя достаточно взрослой, чтобы отказаться от дополнительных мер, дарящих чувство безопасности; а потом, с ней был ее любимый плюшевый мишка, уже изрядно потрепанный, – папа сказал, что тому тоже не нужен свет. Теперь мама включила прикроватную лампу, еще больше осветившую ее лицо, и Джейн заметила, что глаза у мамы красные, широко раскрытые; рот у нее странно искривился.

– Тебе придется встать, – произнесла она хриплым шепотом, срывая с Джейн одеяло – холодный воздух противно коснулся голых рук. Мать принялась возиться с джемпером, трясущимися руками пытаясь продеть в него сначала голову Джейн, потом руки.

– Мамочка, ты меня пугаешь... Я сплю?

– Это не сон, Джейн.

– Клэр, да куда ты, мать твою, запропастилась? – Папин голос в ночной тиши громыхнул, словно выстрел из пушки. И как раз в тот момент, когда он выкрикнул эти слова, породив новую волну ужаса, пробежавшую по ее телу, Джейн увидела размеренные вспышки синего света, проникающие сквозь занавески.

– Уже иду! Мы уже идем!

– Мне страшно, – опять пролепетала Джейн, когда мать потащила ее, все еще босую, из спальни, а затем вниз по лестнице.

– Слишком поздно, бл...! – заорал папа.

Джейн не могла его видеть – лишь слышала голос, когда тот взрывом разнесся по прихожей. Мать грубо натянула на ноги Джейн кроссовки, сдавливая их в руках и заставив ее поморщиться.

– Мне нужно надеть носочки, у меня от них волдыри! – От испуга и замешательства у Джейн и самой на глаза навернулись слезы.

– Нет времени. Надо идти.

Она не сопротивлялась, когда ее потянули за руку прочь из прихожей, через гостиную на кухню, а затем к задней двери.

– Папа? – Джейн умоляюще нацелилась взглядом ему в глаза, когда он наконец появился в поле зрения. У него они были широко раскрыты, лицо не улыбочиво, грудь тяжело вздымалась от учащенного дыхания. Он тоже был напуган. При виде его страха ее собственный страх сразу удвоился.

– Иди-ка сюда, принцесса... – Отец бросился к ней, подхватил на руки. – Прости. Нам предстоит одно ночное приключение.

Его сильные руки крепко обнимали ее. Обычно его объятия успокаивали и утешали, но сегодня все было не так.

– Ты все взяла, Клэр?

– Нет, Пол! Какого хрена? Ты ожидал, что я заранее соберу вещи специально для такого случая?

Джейн покрепче обхватила папину шею руками, обвинив его ногами за бока; ее собственное дыхание тоже стало учащенным, почти как у него.

– Кто-то хочет нас обидеть?

Ее вопрос остался без ответа, когда отец повернулся и распахнул заднюю дверь. Внутри тут же ворвался студёный воздух, обвился вокруг нее – на миг у нее даже перехватило дыхание.

А потом – свет. Великое множество огней ослепило ее. Истошные вопли заполнили уши. Великое множество разных голосов. Чистая паника затопила ее маленькое тельце, и она быстро закрыла глаза, зажмурившись так сильно, как только могла. Пронзительные крики эхом отдавались в голове.

А потом... она стала куда-то проваливаться.

* * *

– Джен! Джен, зайка!

Меня трясут за плечи, тело ритмично раскачивается на матрасе.

– Что такое? Нам надо идти? – Резко принимаю сидячее положение, одеяло сползает с меня. В комнате темно. На-

хлынувшие вдруг воспоминания и слепая паника заставляют меня вскочить с кровати и метнуться к двери.

– Джен! – Марк внезапно оказывается рядом со мной – его нежные руки у меня на руках, его успокаивающий шепот тепло касается моего уха. – Тебе все это просто приснилось, милая... Все в порядке – ты в полной безопасности.

Делаю медленный прерывистый вдох. Это был всего лишь сон. Теперь я Дженни, а не перепуганная до смерти маленькая Джейн. Теперь все в порядке. Марк ведет меня обратно в постель, и я позволяю ему подоткнуть мне одеяло, словно ребенку. Ну почему же все так не закончилось в ту ночь, когда мне было восемь лет? Тогда у меня не забрали бы отца, оставив меня с *ней*. Дрожь пробегает у меня по спине при воспоминании о том, как Клэр впивалась ногтями мне в шею, заталкивая меня обратно в гостиную – крича, что я должна оставаться дома, с *ней*, для моего же собственного блага. «Тебе нельзя выходить из дома, как всем остальным, Джейн! Никому ты не нужна, никому ты не нравишься. Я единственная, кто достаточно тебя любит, чтобы оставаться с тобой!» Каждый вечер заканчивался тем, что я сворачивалась калачиком в своей постели и плакала, пока незаметно для себя не засыпала, мечтая совсем о другой жизни.

– Можешь обнять меня, пока я не усну? – Приподнимаю одеяло и придвигаюсь к Марку, поворачиваясь на бок так, чтобы прижаться спиной к его груди. Он тут же обхватывает меня, и мы уютно умащиваемся на постели, как в гнезде.

Чувствую его дыхание на своих волосах и его тепло, когда муж еще тесней приваливается ко мне.

– Я очень люблю тебя, ты же знаешь, – произносит он.

Хочу сказать то же самое в ответ, но мои губы сжимаются; слова отказываются слетать с них.

Глава 10

Дженни

Четверг

– Ну, как у нас сегодня делишки с утречка, все в порядке? – Марк присоединяется к нам за кухонным столом, усаживаясь на стул напротив меня. Обращается он вроде ко всем сразу, но я понимаю, что на самом-то деле вопрос адресован мне – из-за того, что случилось прошлой ночью. При всех своих провалах в памяти обычно я могу вспомнить тот факт, что мне приснился кошмар, – хотя это несколько из другой оперы. После нескольких часов размышлений о *них* мне наконец-то удалось заснуть. Я знаю, что нельзя допускать их в голову, но время от времени они все-таки завладевают моими мыслями. Это позволяет им контролировать ситуацию, это я тоже знаю – и всеми силами стараюсь не дать им ни малейшей возможности разрушить мою тщательно выстроенную жизнь. Иногда я побеждаю, иногда же победа на их стороне.

– Не терпится начать новый день, – отвечаю я со всем энтузиазмом, на который только способна. – Ну, а вы что скажете, детки?

– Сегодня я отвечаю за Тянучку, – важно заявляет Элфи, и глазенки у него расширяются от волнения при мысли о том,

что ему доверено присматривать за песчанкой из школьного зооуголка. – Вчера за него отвечал Каз и случайно выпустил из рук прямо в классе! Вот балда! – Он с виноватым видом прихлопывает было рот рукой, но у него все равно вырывается смешок. – Миссис Флеминг велела ему остаться на перемене и найти его – до-о-олго же он под партами ползал!

– Ну что ж, надеюсь, что сегодня ты проявишь большую ответственность и Тянучка останется цел и невредим, точно? – говорю я.

– А ты не можешь взять его домой на каникулы? – вмешивается Элла. – Я ведь как-то так уже делала – помнишь, мам? Хотя это было ужасно, потому что...

Я вдруг понимаю, к чему все катится, и бросаю на Эллу предостерегающий взгляд, чиркнув ладонью по горлу – мол, хватит. Быстро перебиваю ее:

– Не думаю, что школьным животным теперь дозволяется гостить у кого-нибудь дома – так ведь, Элфи?

– Ну да... – Он опускает голову. – *По-видимому*, небезопасно позволять им покидать здание школы – разве что с кем-то из учителей.

Невольно улыбаюсь тому, как Элфи произносит «по-видимому». Благослови его господь, он так быстро взрослеет...

– Да, думаю, так будет лучше, – говорит Марк, отпивая кофе. – Все животные нуждаются в любви и заботе, какими бы маленькими они ни были. Разве не так, мамочка?

И пусть даже я знаю, что Марк апеллирует ко мне в первую

очередь как к ветеринару, и, конечно же, моя главная задача – заботиться обо всех животных, несмотря на их размеры, в этой ремарке чувствуется некий скрытый подтекст. Как будто он знает, что именно я нашла вчера у нас на крыльце, и каким-то образом винит в этом меня. Естественно, я также понимаю, что на такие мысли меня наводят мое собственное беспокойство и чувство вины. С таким же успехом он мог иметь в виду то домашнее животное, о котором только что упомянула Элла, – инцидент, произошедший во время летних каникул, когда она взяла к нам погостить школьного хомяка Хэмми. В том, что его в итоге затащило в пылесос, Элла всегда обвиняла меня, не подвергая сомнению свое собственное решение выпустить его в гостиную, не поставив меня в известность.

– Совершенно верно. Все они важны, даже мухи.

Хотя тут я основательно покривила душой. Просто ненавижу мух.

– Они живут всего месяц, – подхватывает Элла. – Ты это знаешь?

– Только не здесь, – бормочет Марк себе под нос и подмигивает мне. Едва удерживаюсь от смеха.

– Тогда этот месяц им нужно прожить полной жизнью, верно? Ни в чем себе не отказывая, – говорю я.

Элла хихикает.

– В таком случае, может, купим для них какое-нибудь угощение, типа какие там дают собакам у ветеринаров?

– Давай все-таки не будем заходить так далеко... Но дело в том, что каждое животное и насекомое – это живое существо. Все они заслуживают хорошего отношения. И вот что, Элфи: если ты сегодня отвечаешь за Тянучку, то, значит, надо в первую очередь подумать о его потребностях. Конечно, это классно, когда есть возможность вытащить его из клетки, но если это происходит неконтролируемым образом, без ведома миссис Флеминг, то может быть чревато... Лучше тебе придумать другой способ поиграть с ним. Например, ты мог бы взять пару старых картонных трубок от бумажных полотенец и попросить ее положить их ему в клетку, чтобы ты мог наблюдать, как он пролезает туда-сюда сквозь них, или что-нибудь в этом роде, хорошо?

– Да, мам. Я сделаю все как следует, обещаю.

– Ну вот и славненько. В ванной есть уже пустой рулон, а тот, что на кухне, вот-вот закончится, так что можешь взять их с собой, если хочешь.

Приканчиваем завтрак, и как только Элфи собирает картонные трубки от бумажных рулонов, прощаемся с Марком. Мы с ним так и не обсудили кошмарный сон, который приснился мне этой ночью, – эта тема решительно отменяется вместе с любым упоминанием об исчезновении Оливии. Оба вопроса слишком сложны, чтобы их можно было легко затронуть. Десятичасовые новости не добавили ничего такого, чего мы бы уже не знали о ее похищении. Наверное, полиция пока предпочитает умалчивать о своих достижениях, а мо-

жет, у них вообще нет никаких зацепок, версий или подозреваемых. От любого из этих сценариев у меня кровь стынет в жилах. Очень надеюсь, что Оливию найдут уже сегодня.

– Кстати, я, наверное, сегодня вечером немного припозднююсь, – говорит Марк, когда я выпроваживаю детей за дверь.

– О, и почему же?

– Помнишь того моего однокурсника, Бретта, – который сказал, что поможет мне с организацией бизнеса? С которым я общался вчера вечером?

У меня сводит живот.

– Довольно смутно, – вру я. Я тогда оставила Марка болтать по телефону, раздраженная тем, что тот орал на всю гостиную и мешал мне смотреть телевизор, так что большую часть разговора пропустила. – Пристегнитесь пока, пожалуйста, – говорю я детям, когда они бегут к машине.

– В общем, сегодня он приедет из Сомерсета, чтобы лично обсудить со мной свой план. Сама знаешь, как это бывает, – не исключено, что в конце концов мы почувствуем необходимость закончить встречу в пабе.

– Но ты же за рулем...

– Вообще-то я собираюсь вернуться сюда, бросить машину и дойти с ним до «Юниона» пешком.

При упоминании «Юниона» у меня замирает сердце. Просто не могу поверить, что они собираются в паб, в который заходила Оливия прямо перед тем, как ее похитили.

– А как же Бретт?

Совсем не вовремя этот Бретт тут нарисовался... С чего это Марк вдруг проникся к нему такой жаркой любовью? Мне это не нравится. Я в курсе, что тоже веду общие дела с бывшим однокурсником по универу, – понимаю, что такое вполне может случиться. Но мы с Самиром все это время регулярно оставались на связи. До того вечера Марк не общался с Бреттом с тех самых пор, как впервые представил нас друг другу на каком-то сборище. Это было примерно одиннадцать лет назад, и тогда этот Бретт сразу меня несколько насторожил, так что я была рада, что они потеряли контакт. Интересно, почему сейчас он снова выплыл из небытия? Готова поспорить, что Бретт затевает какую-то опрометчивую махинацию вроде финансовой пирамиды, чтобы по-быстро-му срубить денег, а Марк достаточно доверчив, чтобы на это купиться.

– Я решил, что ты будешь не против, – сказал, что он может переночевать у нас.

«Что?!» У меня перехватывает дыхание. Хочу выкрикнуть: «Да ни за какие деньги!», но понимаю, что это будет воспринято как слишком уж острая реакция.

– В будний день? – кривлюсь я. Гостиющий в моем доме Бретт, когда в данный момент все это происходит, – последнее, что мне сейчас нужно. А вдруг у меня опять будет ночной кошмар, пока он здесь, – или, что еще хуже, отключка с провалом в памяти? Но уже нет времени приводить какие-либо аргументы – судя по всему, именно поэтому Марк

и отложил наш разговор до последнего. В голосе у меня явно слышится раздражение, когда я отвечаю:

– Конечно, если по-другому никак. – После чего тихо бормочу: – Это ведь уже решенное дело, что бы я там ни сказала.

Закрывая дверь, нацепляю дежурную улыбку для детей. Но она тут же спадает с моего лица, когда я замечаю чуть в стороне от крыльца черный мешок для мусора, и у меня перехватывает дыхание.

Еще один? Все прежние вопросы и возможные подоплеку вновь вихрем кружатся у меня в голове. Я ничего не понимаю. Тот, кто это вытворяет, просто не может знать, что именно я это найду. Я далеко не всегда первой выхожу из дома, хотя в последнее время так оно и есть. Кто-то наблюдает за домом? От этой мысли волоски у меня на шее встают дыбом, глаза лихорадочно обшаривают подъездную дорожку. Наш дом – одно из трех больших отдельно стоящих строений на этой деревенской улочке, на всех участках – довольно длинные подъездные дорожки, а противоположная сторона улицы обсажена деревьями, за которыми простираются поля. Кто-то может запросто спрятаться прямо за этими деревьями, чтобы подглядывать за нашим участком. Перевожу взгляд на дальний конец подъездной дорожки. Отсюда мне видны только деревья – интересно, насколько хорошо оттуда просматривается наш дом?

Не потрудившись заглянуть внутрь мешка, хватаю его, трусцой забегаю за угол и бросаю в мусорный бак. Разберусь

с ним чуть позже – заскочу домой перед тем, как отправиться на назначенное на сегодня собрание общества ветеринаров. Забираясь в машину, бросаю взгляд на Элли и Элфи в зеркале заднего вида. Вид их невинных светло-коричневых мордашек, смотрящих на меня в ответ, наполняет меня любовью. Им нужны забота, безопасность и любовь без всяких дополнительных условий. Им, конечно, меньше всего нужно, чтобы их мать повредила умом.

Оглядываюсь на дом, когда мы выезжаем, и задаюсь вопросом, во сколько обойдется установка камер наблюдения.

Глава 11

Дженни

Слейд-лайн – дорога, по которой мы обычно ездим в школу – перекрыта здоровенным грузовиком, и мне хочется завизжать от отчаяния. Почему они пытаются проехать по этим узким улочкам, выше моего понимания. Один коттедж на углу неподалеку от почтового отделения в прошлом году здорово пострадал – такой вот грузовик начисто снес часть здания. После этого сельские жители выступили с петицией о запрете сквозного проезда крупногабаритного грузового транспорта, но без толку.

Однако данное происшествие вселило страх в нескольких домовладельцев вдоль этой дороги – хорошо помню, какая лихорадочная деятельность тогда развернулась. Кэрролайн Брюер, которая всю свою жизнь прожила в Колтон-Кум, установила на фасаде своего дома камеру наблюдения, под углом к дороге – демонстративно, прямо у всех на виду – и, по слухам, проводит чуть ли не весь день, наблюдая за проезжающими машинами – а как только замечает грузовик, выбегает на улицу, чтобы «проследить» за его безопасным расхождением с ее обиталищем. Я смеялась, когда мне про это рассказывали, но на самом деле нисколько ее не виню. Сейчас я просто надеюсь, что этот грузовик не застрял или,

что еще хуже, не врезался в какой-нибудь другой дом.

Наконец, потеряв терпение, сворачиваю направо, чтобы объехать любой хаос, который там может возникнуть. Но тут, едва свернув за угол, сразу осознаю свою ошибку – с резким уколом тревоги. Дорогу передо мной по всей ее ширине перегораживает полицейская лента, обозначающая место преступления. Это то место, откуда, как предполагается, похитили Оливию Эдвардс, возвращавшуюся к себе домой.

– Вот черт, – бормочу я, пытаюсь выполнить разворот в три приема, который в итоге превращается в разворот в шесть приемов. Ворчу себе под нос, что мой универсал слишком длинный для более простого маневра, хотя на самом-то деле знаю: все это потому, что вид полицейского кордона сделал происходящее слишком уж реальным, и у меня просто сдали нервы. Это и вправду какое-то безумие – в Колтон-Кум никогда раньше не случилось ничего подобного. И все эти дорожные пробки – в первую очередь из-за полиции, журналистов и съемочных групп, наводнивших нашу маленькую деревню. Мысль, конечно, эгоистичная, но меня уже подмывает устроить в клинике выходной, чтобы отвлечь всех нас от этой канители, пока она не уляжется. Если это вообще произойдет. А что, если они так и не найдут Оливию? Ледяные щупальца щекочут мне позвоночник. Перед моим мысленным взором проскакивает наихудший сценарий из всех возможных, и я трясую головой, чтобы избавиться от него.

– В чем дело, мамочка? Что мы делаем? – говорит Элфи. Заставляю себя переключить внимание на «здесь и сейчас».

– Я думала, что будет быстрее поехать этой дорогой из-за того дурацкого грузовика, но ошиблась. – Капли пота пощипывают мне лоб. – Жарковато сегодня.

– Тебе нужно проявить больше терпения, мам, – советует Элла. Издаю короткий резкий смешок. Она права, естественно. И хоть я уже почти привыкла к недосыпу или вообще отсутствию сна, но готова признать, что раздражена гораздо серьезней, чем следовало бы.

«Интересно, почему?»

Мои пальцы с каждой минутой все сильнее барабанят по ободу руля, пока наконец я не вижу впереди какое-то движение. Грузовик проезжает дальше – к счастью, не оставив за собой жертв и разрушений. Когда я добираюсь до того места, где он стоял, понимаю, в чем была проблема. Прямо на двойной желтой разметке, запрещающей остановку, припаркован фургон передвижной телевизионной станции «Ай-тиви», что еще больше сужает проезжую часть. Сжимаю руль чуть крепче. Фургон стоит совсем неподалеку от того места, где живет Оливия. Время от времени вы надеетесь, что в сонной деревушке вдруг произойдет что-нибудь захватывающее, заставив вас поволноваться. Но это не то волнение, которое мне по душе или в котором я сейчас нуждаюсь. От воспоминаний о ночном кошмаре к горлу подкатывает желчь.

– Папе пришлось уехать, – сказала мама. Слезы размыли контуры ее темно-бежевого макияжа, оставив контрастные полосы на более бледной коже. Сейчас она походила на те хлебные палочки, в которых хрустящее тесто переложено прослойками из розоватого бекона.

– Почему его забрала полиция? – спросила Джейн. Ее отбросило на травянистую площадку в саду за домом, когда мужчины окружили ее папу, слепя его фонарями, а громкие и пугающие голоса кричали ему: «На землю, быстро!» Это было последнее, что она запомнила перед тем, как проснуться в какой-то незнакомой постели. Мама сказала, что она проспала десять часов, но ей было трудно в это поверить. Как она могла уснуть после того, что случилось? Сердце по-прежнему колотилось от страха, пока она ждала, когда же мама что-нибудь скажет. Объяснит, почему захватили ее папу.

– Он им в чем-то помогает, вот и все.

Джейн уже умела распознавать ложь, едва ее услышав.

– Мне уже восемь, мам. Я уже не маленькая. И не дура.

Клэр вздохнула и покачала головой.

– Послушай... Теперь есть только я и ты. Ты – у меня, а я – у тебя, и мы – это все, что важно, хорошо?

– Нет. Нет, ничего тут хорошего! Я хочу к папе. Где он? –

Паника опять поднялась внутри нее, как будто она наполнилась горячим воздухом и вот-вот лопнет.

– Джейн, детка... – Клэр уронила голову на руки, а потом глубоко вздохнула и посмотрела Джейн прямо в глаза. – Правда в том, что твой папа сделал кое-что нехорошее.

– Что он сделал? – Голос ее был хриплым из-за слез.

– Сложно объяснить... Но он пытался заботиться о нас. Следил, чтобы нам хватало денег. Так что взял немного, чтобы помочь нам. Но я боюсь, что папа проделывал это не один раз, и теперь, поскольку он не может вернуть долг, ему приходится взамен расплачиваться своим временем.

– Я не понимаю...

– Ты знаешь, что такое тюрьма?

Джейн кивнула. Все ее тело онемело, как будто она при всем этом присутствовала, но при этом и нет.

– Это место, где наказывают плохих людей.

– Ну да – и это наказание заключается в том, что их какое-то время держат вдалеке от тех, кого они любят.

– И как долго папу будут так наказывать? – спросила Джейн, глядя, как сморщилось лицо ее матери. Та молчала целую вечность, и Джейн уперлась руками ей в грудь. – Так как долго? – выкрикнула она.

– Прости, Джейн. Я знаю, ты любишь своего папу. Но, как я уже сказала, теперь только ты и я. Он уже не вернется.

Джейн почувствовала, как сердце у нее забилося часто и сильно. В груди, в ушах, в животе – везде. Дыхание стало

прерывистым, и уже во второй раз все вокруг погрузилось во тьму.

* * *

Несмотря на то, что тогда я этого не понимала, с тех самых пор моя жизнь навсегда изменилась – так, как не должна меняться жизнь ни одного ребенка. Когда мы проезжаем мимо фургона телевизионщиков, я вытягиваю из-за ушей заткнутые за них пряди волос и зачесываю их рукой на лоб, чтобы как можно больше прикрыть лицо – на случай, если нас кто-нибудь снимает. Нельзя, чтобы меня увидели по национальному телевидению. Существует реальная опасность, что *она* увидит меня и выследит. И если *ей* это удастся, есть все шансы, что *она* снова разрушит всю мою жизнь.

– Люблю вас обоих, – говорю я, улыбаясь своим прекрасным детям, когда мы благополучно проезжаем мимо. *Нашим* прекрасным детям. Мы – хорошие родители, мы с Марком. Несмотря на весь свой эмоциональный багаж, всю свою запятнанную наследственность, я всегда старалась добиться успеха во всех сферах своей жизни. Понимаю, что у меня не все ладно с моим браком после той «интрижки», но Марк сказал, что это ровным счетом ничего не значило – просто случайная связь на одну ночь. Я все еще с трудом могу полностью поверить в это. Но он не ушел. Это уже кое-что, конечно же. У меня еще есть время исправить ошибки и про-

стить его.

Исчезновение Оливии – это тревожный звоночек, который заставил меня осознать кое-какие прописные истины. Я должна снова научиться полностью доверять Марку. И побыстрее.

Глава 12

Дженни

Добираемся до школы вовремя, и даже пара минут остается в запасе. Хотя я не так быстро, как изначально рассчитывала, уматываю прочь, едва только высадив Эллу и Элфи, поскольку меня останавливает компашка зацепившихся языками мамаш. Клуб деревенских сплетниц, как я их обычно называю. Как правило, я стараюсь воздерживаться от подобного светского общения на детской площадке, но сегодня втираюсь в эту группу, поскольку надеюсь услышать последние новости об Оливии.

Все родительницы мне так или иначе знакомы – по всяким школьным или общественным мероприятиям, плюс многие обращаются ко мне в клинику для ухода за своими домашними животными. Пять женщин, которые сейчас скучковались вместе со мной в кружок у ворот – это мамы учеников из класса Эллы. От них я узнаю, что дочку Оливии Изабеллу на данный момент держит дома ее сожитель, Яннис. Как сейчас принято выражаться – партнер. Он не отец Изабеллы – никто из нас вообще не знает, кто он такой. Или, по крайней мере, никто ничего не говорит, даже если и знает.

– А ты в курсе, что у них были... *проблемы*? В смысле, в таких случаях всегда первым делом смотрят на мужа или

сожителя, так ведь? – говорит Фрэнки. Она работает оператором в контактном центре полиции Мидлмура в Эксетере, так что это единственная личность в данной компашке, которая хоть как-то знает обстановку изнутри.

– Лив по секрету шепнула мне, что они все время ссорились. Сказала, что Оливия всегда пыталась сохранить мир, не желая устраивать скандалов перед бедной маленькой Изабеллой. – Я была почти уверена, что Уиллоу, которую я обычно нахожу несколько заносчивой и ставящей себя намного выше всех остальных, вытянет карту «Я знаю Оливию лучше всех», и она меня не разочаровывает.

– Почти как и большинство пар, – не удерживаюсь я, фыркнув. Все головы резко поворачиваются ко мне, их глаза широко раскрыты. – У всех нас когда-то случаются разногласия, разве не так? – Слегка пожимаю плечами, но когда никто не отвечает, продолжаю, чувствуя, как краснеют щеки. – Знаете, если даже они иногда ссорились, это вовсе не значит, что он может быть причастен к ее исчезновению, я вас умоляю. Не стоит делать поспеш...

– Мы не делаем поспешных выводов, Дженни. И где ты вообще была? Ты явно не слышала последние новости.

От тона Фрэнки в позвоночнике начинает покалывать.

– Не, не слышала. И что там?

– Детективы уверены, что это не просто дело о пропаже человека, – они считают, что Оливию похитили, по дороге домой из «Юниона» во вторник поздно вечером.

Едва не останавливаю ее, чтобы указать, что все это уже было в новостях и ничего нового она не выдала, но Фрэнки уже несет так, что не остановишь.

– Есть какие-то улики, но они не разглашают подробности. Опрашивают персонал паба, соседей, стучат во все двери – это так страшно...

Какие еще могут быть улики? Сердце у меня замирает, пропуская удар. Пожалуй, стоит сократить потребление кофеина, думаю я, предпочитая верить, что проблема в этом.

– Кого-нибудь из вас уже опрашивали? – интересуюсь я.

– Меня вот, да и Рейч тоже. – Рейчел молча кивает в знак подтверждения, и Фрэнки продолжает: – Сама видела: в Колтон-Куме повсюду копы. Думаю, они тут под каждый камень заглянут.

– Но пока у них никаких зацепок, насколько тебе известно? – спрашиваю я.

– Если верить нашему деревенскому телеграфу, пока что нет.

– Вообще-то странно. Как это можно так вот просто исчезнуть? – говорит Рейч.

– А никто больше не думает про то же, что и я? – спрашивает Зари, которая до сих пор не произнесла ни слова. Ее большие карие глаза полны беспокойства. На мгновение воцаряется тишина, от которой у меня сводит живот. – Думаю, нам не стоит отметать возможность того, что полиция ищет тело.

Словно в подтверждение этих слов, низко над головами у нас пролетает вертолет, зловеще сверкнув своим темным подбрюшьем. Все задирают головы, наблюдая за его продвижением. Судя по ярко-желтым бокам, вертолет полицейский. Когда он достигает окраины деревни, то вроде как зависает над полями и лесистой местностью. Все мы молча следим за его медленным кружением.

– Господи... – Уиллоу разрушает сковавшие нас чары, и кажется, что все одновременно с облечением выдыхают. – Кроме шуток: если они и вправду думают, что ее убили, разве не все мы можем быть в опасности?

– Не говори ерунды, это тебе не сериал «Место преступления», – огрызается Фрэнки. Но голос у нее дрожит, и я почти чувствую, как меняется атмосфера. Невольно вздрагиваю.

– Только не надо так важничать... – Уиллоу поджимает губы и переводит взгляд с Фрэнки на всех остальных. – В любом случае мы явно и помыслить не могли, что в Колтон-Кум может произойти хотя бы одно похищение – или убийство, или что бы мы здесь сейчас ни рассматривали. Если б я высказала подобное предположение еще на прошлой неделе, все вы хором сказали бы мне одно и то же. А теперь смотри-те: это не такое уж большое преувеличение, если предположить, что это может быть только началом.

– Началом чего? – спрашивает Зари, широко распахнув глаза.

– Ничего, – говорю я, всем телом втираясь между ними. –

Да ладно, никаких свидетельств все равно пока нет. Давайте не будем нервничать, а?

– Ну, а я вот по-прежнему считаю, что нам не следует выходить на улицу в одиночку. Пока мы не узнаем, что случилось с Оливией, – говорит Уиллоу.

– Разумное предложение. Может, нам стоит установить что-то вроде расписания? Чтобы рядом точно был еще кто-то, если вдруг придется выйти из дома после наступления темноты? – Лицо Рейчел похоже на белую маску.

– По-моему, это уже перебор, – хмуро отзывается Фрэнки. – И в любом случае: только потому, что Оливию похитили ночью, это вовсе не значит, что другую женщину похитят точно таким же образом.

– А разве не так поступают серийные убийцы? Они же всегда повторяют одно и то же.

– Да ну, Уиллоу, – резко бросаю я сквозь стиснутые зубы. – Серийный убийца? Достаточно. Я понимаю, что ничего подобного здесь никогда не случилось, но, пожалуйста, дамы, давайте все-таки держаться в рамках. Оливия пропала по дороге домой из паба. Полиция, похоже, считает, что ее похитили, а не убили...

– Но похищают ведь только всяких знаменитостей и детей – и обычно в обмен на выкуп. Скольких женщин так вот просто похитили? Их почти всегда находят мертвыми.

Бросаю на Уиллоу недоверчивый взгляд. У меня начинает стучать в голове, и я понимаю, что нужно немедленно пре-

кращать этот разговор.

– Ладно, мне пора на работу, – говорю напряженным голосом. – До завтра, девочки.

– Смотри, Дженни, – никуда не ходи одна.

Ничего не отвечая, разворачиваюсь на каблуках и продолжаю идти, пока не оказываюсь возле своей машины. Запрыгиваю за руль и включаю радио, выкрутив громкость чуть ли не на самый максимум.

Глава 13

Дженни

Грохот вертолета просто оглушает, когда я паркуюсь на своем законном месте возле здания клиники, рядом с серой «Тойотой Приус» Самира. От пронзительного воя турбин и чавканья лопастей несущего винта, сотрясающих все мое тело, у меня учащается пульс. Никогда не чувствовала себя уютно поблизости от всякой низколетающей техники – наверняка сказывается тот или иной страх родом из детства. Впрочем, если хорошенько подумать, то и вообще большинство моих страхов берут начало в детских годах – хотя это почти наверняка справедливо для всех людей без исключения. «Дело не только в тебе самой, Дженни, – ты не единственная, у кого было проблемное прошлое...»

Звук вроде как приближается, а затем опять уходит куда-то вдаль. Вытягиваю шею, чтобы посмотреть, смогу ли я засечь вертолет, пока иду ко входу, но нигде его не вижу. Должно быть, он завис совсем низко, деревья закрывают обзор. Могу предположить, что на другой стороне раскинувшихся перед клиникой полей – где бывшее пастбище перегораживает множество каменных оград с узенькими калиточками и перелазами, стоят еще и десятки полицейских машин. А может, даже с криминалистами. Вспоминаю

ется краткая реплика Фрэнки касательно «Места преступления». Она тогда лишь пренебрежительно фыркнула, хотя все это и вправду может взорваться, как в криминальном сериале по телевизору.

Особенно если они найдут тело...

Дрожь пробегает у меня по спине. «Кто-то прошелся по твоей могиле?» – вторгается вдруг в мысли голос моей матери, и я невольно вздрагиваю. Думаю, это неизбежно, что сейчас мои мысли постоянно обращаются и к ней, и к моему отцу. В темные моменты жизни трудно не впустить их в голову. Если у кого-то вдруг возникают вопросы о моем прошлом, что случается крайне редко, я обычно отвечаю, что покинула отчий дом, чтобы поступить в университет, и обосновалась в Девоне для получения диплома по ветеринарии, да так там и осталась, потому что полюбила Уэст-Кантри⁴ и получила возможность работать здесь в той области, которая всегда была мне по душе. Любой, кто знает меня достаточно хорошо, вскоре перестает интересоваться, почему я никогда не навещаю своих родственников. Марк одно время пытался приставать ко мне по этому поводу, но даже он в итоге отказался от мысли задавать мне вопросы на эту тему, наталкиваясь на мою реакцию.

Правда же в том, что я заранее запланировала «пустой

⁴ Уэст-Кантри (*англ.* West Country, букв. «Западная страна») – неофициальное название области на юго-западе Англии, приблизительно соответствующей современному региону Юго-Западная Англия. Часто используется по отношению к графствам Корнуолл, Девон, Дорсет и Сомерсет, а также городу Бристоль.

год» перед поступлением в университет, исключительно для того, чтобы пораньше сбежать от матери – чтобы вернуть себе уверенность в себе и вновь научиться общаться с людьми, прежде чем оказаться один на один с другими студентами. Скрывать это от Клэр, чтобы она не сумела остановить меня, было одной из самых сложных задач. Ну как прикажете хранить что-то в тайне от того, кто вечно дышит тебе в затылок? Обнаружив однажды небольшой беспорядок в своей спальне, я сразу поняла: мать почуяла, что я от нее что-то скрываю, и устроила обыск. Но я была на шаг впереди – уже догадывалась, что она так и поступит. Клэр не знала всех тайников, которые были у меня в детстве, и, к счастью, ей не удалось найти тот, в котором я прятала свои билеты и прочие проездные документы. Похоже, она явно недооценила мою способность найти применение половицам по всему дому. Неделю спустя я ушла – и наконец освободилась.

Я усердно работала над своим развитием, постоянно подталкивая себя к тому, чтобы стать лучше. Поначалу патологически застенчивая, буквально заставляла себя быть общительной, почаще бывать на людях, следуя поговорке «притворяйся, пока сам не поверишь». В основном это получалось. Однако не все было так просто. Хуже всего была ложь, которой пичкала меня мать. Ложь эта имела самые крупные, далеко идущие и долговременные последствия. «Я лгала лишь для того, чтобы защитить тебя», – уверяла она. Но нет. Она лгала, чтобы защитить себя и удерживать меня ря-

дом с собой. В конце концов, все, чего она этим добилась, – это прогнала меня. Однако, если я ее все-таки знаю, она все еще ищет меня, хотя уже лет двадцать прошло.

Точно так же, как полиция сейчас ищет Оливию.

Может, она тоже решила сбежать?

Захожу в приемную, и Хейли вручает мне список сегодняшних консультаций.

– Что за шум, а? – говорит она, прищурившись. – Как думаешь, это весь день будет продолжаться?

Хейли трет виски, и я замечаю, насколько опухли у нее суставы на пальцах.

Пожимаю плечами, не совсем понимая, что она хочет от меня услышать. Почему я должна знать больше, чем она? Спрашиваю, все ли у нее в порядке – начали ли действовать новые лекарства от артрита, которые ей выписали. Я в курсе, что ее лечащий врач посоветовал какие-то другие препараты, но, судя по ее физическим симптомам, положительного результата пока нет. Ей, должно быть, очень больно, хоть она и не подает виду. Хейли слабо улыбается.

– Да, да. Все со мной будет в порядке, Дженни.

– Если тебе что-то понадобится, пожалуйста, дай мне знать. Ладно? – Шум вертолета почти заглушает мои слова.

– Хорошо, что на сегодня не назначено никаких операций, – говорит она, тщетно повышая голос, чтобы быть услышанной.

– Будем держать главные окна закрытыми – это должно

приглушить бо́льшую часть шума.

Никто из нас не упоминает причину, по которой вертолет сейчас находится чуть ли не прямо над клиникой. Часть леса, над которой он завис, тоже принадлежит нам. Она при-мыкает к участку, который мы приобрели для устройства ветеринарной клиники. К документам на право собственности прилагается еще и какое-то древнее дополнительное соглашение, но мы никогда особо не рассматривали возможность его исключения. Знаю только, что это природоохранная зона, и мы не имеем права там что-либо строить. Самир знает об этом больше меня – он вообще страстный защитник окружающей среды.

– По крайней мере, тебе придется торчать здесь только до обеда, – говорит Хейли, прерывая мои мысли.

– Это точно. Должен же быть от этих собраний ветеринарного общества и еще какой-то толк, помимо информирования меня о последних технических достижениях?

– А почему Самиру никогда не удастся так же посачковать? – Хейли лукаво косится на меня, а я смеюсь над ее ремаркой и направляюсь в свой кабинет. Хоть никаких операций и не запланировано, это вовсе не значит, что не возникнет какой-нибудь экстренной ситуации – но, к счастью, на утро в основном намечены диагностические осмотры, рентгеноскопия и УЗИ, а на вторую половину дня – вакцинация, о чем, в свою очередь, позаботится средний медперсонал. Я рада, что на данный момент этот день обещает быть легким,

поскольку, как мне кажется, абсолютно все мы сейчас ощущаем притяжение беспокойства, тревоги и – по крайней мере, в моем случае – страха.

Болтовня школьных мамаш, которую я недавно слышала, по двадцатому разу проигрывается у меня в голове, несмотря на все мои усилия сосредоточиться на домашних животных и их владельцах. Но это не помогает – чуть ли каждый клиент считает своим долгом заметить, насколько это все ужасно, насколько они потрясены, насколько ошарашены тем, что нечто столь кошмарное могло произойти в нашей замечательной деревне. Особенно с тихой, непритязательной Оливией. «Самый прекрасный человек, какого я только знал!» – пафосно объявляет кто-то из мужчин. Пару раз ухитрюсь абстрагироваться от шума вертолета и ненадолго уйти в себя, но эти моменты не дают мне никакой передышки. Скорее наоборот – все мои мысли сосредотачиваются на изуверченной кошке и на том, что еще подбросили мне сегодня на порог. Единственный способ выяснить, чья это работа, – это либо не спать всю ночь, притаившись в засаде, либо обзавестись камерой наблюдения. Делаю себе мысленную пометку расспросить Кэролайн Брюер, как она все это устроила.

Лишь во время перерыва на кофе в одиннадцать утра встречаюсь со всем своим коллективом в ординаторской. На низком журнальном столике лежит газета. На первой странице – фотография Оливии, откинувшейся на спинку стула на летней веранде кафе, ее длинные темные волосы распущены

по плечам, красивый фиолетовый шифоновый шарф свисает поверх ключицы. Она улыбается – нет, даже так и сияет, – ее белые зубы эффектно выделяются на фоне оливкового лица. Реально красивая фотка. Заголовок гласит: «**Женщину похитили на деревенской улице по дороге домой**».

Решаю, что сейчас самое время провести небольшое исследование и выяснить, что именно знает или думает каждый из моих сотрудников. Ниша с Ванессой сидят рядышком, по очереди таская клубничины из одной корзинки, и я бочком подсаживаюсь к ним.

– Вы, случайно, не слышали какие-нибудь разговоры о похищении Оливии? Типа как что могло к этому привести? – интересуюсь я без всяких преамбул – похоже, что в этом нет особой нужды, поскольку сейчас это практически единственная тема для разговоров.

– Ты хочешь сказать, не преследовал ли ее кто? – Ванесса морщит нос. – Боже, какая пугающая мысль...

– Да. Вот именно, – соглашаюсь я. – Хотя, конечно, в этом было бы больше смысла. Просто это так... маловероятно, чтобы тебя так вот запросто похитили прямо с улицы в деревне, так ведь? Тем более в нашей деревне. Это ведь вам не какое-то там самое обычное преступление для такого населенного пункта, как наш. Наводит на мысль, что в Оливии было что-то особенное – что кто-то изначально на нее нацелился.

– Точно. Преступники, действующие под влиянием мо-

мента, чаще похищают детей, а не взрослых, – задумчиво произносит Ванесса, практически повторяя то, что обсуждали мамы на школьном дворе. – Да, ты права, – говорит она с еще большим убеждением. – Взрослых людей, скорее всего, похищают те, кого они знают, кто ими одержим... Или по злобе.

Вздрагиваю от этой последней фразы, как от боли, едва перебарывая желание сердито сдвинуть брови. Она и вправду как-то странно посмотрела на меня, произнося эти слова?

Те, с кем я работаю, вроде были не в курсе, что Марк некогда запал на Оливию, а затем и переспал с ней, насколько мне известно. По крайней мере, на тот момент. Но мне и вправду интересно, говорили ли что-нибудь на эту тему соседи Оливии или кто-нибудь из деревенских сплетников после ее исчезновения. В такие моменты люди любят покопаться в прошлом. Знаю об этом из первых рук. И пусть даже когда все это с нами происходило, я этого не понимала, но выросла я в атмосфере великой ненависти, нацеленной в мою сторону. Я всегда считала, что единственный человек, посвященный в мое неутихающее недоверие и паранойю в отношении Марка и Оливии, – это Ройшин, а я полностью уверена, что она никогда и словом об этом не обмолвилась бы. Это напоминает мне, что надо бы позвонить ей и договориться о встрече за чашечкой кофе. Или, что еще лучше, за бокалом вина.

– А значит, мы, скорее всего, знаем того ублюдка, который за это ответственен, – говорю я.

– Господи, я об этом как-то не подумала! – Ванесса прижимает ладонь ко рту.

– Это было первое, о чем подумала я, – с энтузиазмом вступает в разговор Ниша. – И уже мысленно перебрала вероятных подозреваемых. То есть после того, как мне пришлось вычеркнуть из списка ее сожителя.

– Как же вышло, что ты его исключила?

– У него есть алиби. Он присматривал за ребенком, пока Оливия развлекалась в пабе.

Мой подозрительный от природы ум немедленно ставит это под сомнение.

– Ладно, – говорю я. Алиби вроде и вправду крепкое. Если только он не сумел незаметно улизнуть из дома, пока ребенок спал сладким сном. Но, думаю, полиция еще рассматривает этот вариант. – Итак, кто же у вас списке, мисс Марпл?

– Какая-какая мисс?

Челюсть у меня отваливается, и я лишь качаю головой.

– Что?! Ты не знаешь, кто такая мисс Марпл? Понимаю, что я постарше вас обеих, но я всегда думала, что, даже проживая в такой глуши, вы просто обязаны знать, что это главная героиня романов Агаты Кристи! Торки⁵ – родина одной из самых почитаемых детективных писательниц в истории;

⁵ Торки (*англ.* Torquay) – город на южном побережье Англии в графстве Девон, протянувшийся вдоль берега залива Торбей и практически сросшийся с соседним городом Пейнтон. В XIX в. был модным морским курортом, заслужившим за свой климат прозвище Английской Ривьеры. В 1890 г. в этом городе родилась Агата Кристи.

хоть это-то вы знаете, по крайней мере?

– Ладно, спасибо за урок по истории литературы. Так хотите услышать мои соображения или нет? – Ниша поднимает бровь.

– Если ты обещаешь потом погуглить Агату Кристи, то да, продолжай.

– Слушаюсь, босс. Итак, мы знаем, что во вторник вечером Оливия была в пабе. На вечере викторины. И кто же эту викторину проводил? Кликуша Колин! Подозреваемый номер один. Далее у нас идет Дейв-Дуболом...

– Погоди-ка, – говорю я, поднимая руку. – Ты что, эдаким манером обозвала всех жителей деревни?

– А то! Короче говоря, Дейв-Дуболом раньше встречался с Оливией – еще до того, как нарисовался этот Яннис, – и она послала его подальше. Просто эсэмэской, ни больше ни меньше.

– По-моему, в наши дни это именно так и делается, – бормочу я.

– Но это ведь жестоко! Как бы там ни было, после этого он регулярно напивался в пабе, честил Оливию на все корки и говорил всем, кто слушал, что еще она пожалеет, что дала ему от ворот поворот.

– Но тогда это делает его подозреваемым номер один, разве не так? У него есть мотив. Явно посерьезней, чем у этого Кликуши Колина. По крайней мере, насколько нам известно.

– М-м-м... Но я не зря прозвала его Дуболомом. Не уве-

рена, что у него хватило бы мозгов осуществить подобное похищение.

– Не думаю, что для этого надо быть семи пядей во лбу... Может, все это выглядело так: «увидел – схватил». Не сказала бы, что это преступление, требующее большого интеллекта. – Понимаю, что увязаю во всем этом гораздо глубже разумного.

– Пожалуй, что нет. Тогда, может, вы одобрите моего следующего кандидата.

– Тогда давай дальше, – говорю я.

– Драгоценный Джордж.

Наступает продолжительное молчание, пока это имя укладывается у меня в голове. Все мы прекрасно знаем, кого Ниша имеет в виду. Джордж Пенуорт – новичок в деревне. Или же новичок по представлениям большинства людей – он переехал сюда два года назад, живет один, и ему около тридцати. Никто ничего о нем особо не знает, и за прошедшие годы возникло сразу несколько разных версий. Главная из них в том, что его отправили сюда после отбытия срока в местной тюрьме. Он сдержан, в основном держится особняком, но, по слухам, бывает в «Юнионе» едва ли не ежедневно.

– Да, неплохой кандидат, – говорит Ванесса. – У меня от него мурашки по коже – он так смотрит, будто у него, блин, вместо глаз рентгеновский аппарат и он видит тебя голой под одеждой. Может, Джордж и хорош собой, но это и все, чем он может похвастаться.

– Давайте не будем перемывать людям кости, девочки, – говорю я. Как бы ни готова я была с ней согласиться, все-таки не хочу, чтобы бедолаге окончательно загубили репутацию – жить с последствиями этого совсем не весело. По себе знаю. Хотя в моем случае это были не обвинения или злобные сплетни – это была правда.

– Родители Оливии живут прямо рядом со мной, – опять подает голос Ниша, и мы поворачиваемся, чтобы посмотреть на нее. Просто не могу поверить, что об этом еще не было упомянуто – я и забыла, что Ниша временно переехала к своим родителям. Борюсь с желанием попросить ее немного поспрашивать их – это может показаться довольно странной просьбой. Но она все равно выдает кое-какую полезную информацию. Рассказывает нам, что с тех пор как она туда переехала, видела Оливию, посещающую соседний дом, от силы пару-тройку раз, да и то в основном по выходным, с маленькой дочкой.

– А ты не видела там полицию? Известно ли прессе, что они – родители Оливии? – Сама удивляюсь настойчивости в своем голосе.

– Насчет прессы не уверена, но мама говорила, что вчера рано утром видела на нашей улице полицейскую машину.

– Просто не могу поверить, что эта новость не просочилась еще вчера... Я и понятия не имела, пока Марк мне вчера вечером не рассказал.

Откидываясь на спинку стула, замечаю каменное, отстра-

ненное выражение лица Эби – во время всего нашего разговора она хранила молчание. Эби живет не в деревне, а в трех милях отсюда, в городе, но она тоже новичок в здешних краях, так что могу предположить, что все эти разговоры о следователях и похищениях звучат для нее немного странно, плюс никого из списка подозреваемых Ниши она не знает, поэтому и не может внести свой вклад. Мне вдруг становится стыдно за то, что я одновременно пугаю ее и вынуждаю скучать.

– Давайте поговорим о чем-нибудь другом, хорошо? – Я вскакиваю, собираю кружки и несу их на кухонный стол. – Кто-нибудь может порекомендовать какой-нибудь приличный фильм? Марк сегодня тусит со своим приятелем, и я хочу воспользоваться случаем посмотреть то, от чего он обычно нос воротит, – говорю я, выдавливая смешок.

Грохот вертолета становится все громче, пока уже не начинает казаться, что он завис прямо у нас над головами. Мы умолкаем, и все взгляды устремляются к потолку. Я готова поклясться, что чувствую, как вибрирует вся комната. Интересно, почему они сосредоточили свое внимание на этом участке леса... А теперь и здесь.

Опускаю взгляд на свои руки, вцепившиеся в столешницу, и вдруг словно наяву вижу грязь, которая вчера была у меня под ногтями. Откуда она там взялась?

Чем бы я тогда ни занималась, тот факт, что случилось это в ночь похищения Оливии, вбивается в мою совесть, словно

игла шприца, вонзившаяся мне прямо в мозг.

Глава 14

Дженни

Гнилостный запах разложения ударяет мне в нос, едва только поднимаю крышку мусорного бака. Этим утром я не заметила никакого сильного запаха, когда по-быстрому выбросила туда новый пластиковый мешок с его непонятным содержимым. Теперь же от этой вони никуда не деться, и я вижу личинок, которые сыплются с крышки бака, словно извивающиеся рисовые зернышки. Закашливаюсь, прикрывая рот и нос сгибом руки. Во время учебы и работы ветеринаром мне приходилось сталкиваться со множеством отвратительных вещей, но это совсем другое дело. Может, потому, что мой разум сразу вытащил все плохое из моего прошлого – все, что мне удалось выяснить – и привязал все это к тому изуродованному коту. Убираю руку от лица и вновь закрываю крышку, мозг лихорадочно ищет каких-то объяснений. Я только вчера выбросила кошачьи останки в этот мусорный бак, так откуда же там взялись личинкам? Если только мухи уже давно не проникли туда, устроив пир на остатках пищевых отходов, которые я не донесла до компостной ямы. Либо так, либо останки кота были достаточно давними.

Сегодня я уехала с работы пораньше, чтобы присутствовать на ежемесячном собрании ветеринарного общества, так

что днем меня там не ждут. Любые консультации возьмет на себя Самир, а медсестры займутся прививками – можно спокойно ехать в обычное место. Это не особо далеко, но мне всегда казалось бессмысленным потом опять возвращаться на работу – я едва успевала принять одного клиента до закрытия клиники. Так что теперь в моем распоряжении целый час, чтобы надежно упаковать останки. А потом, когда все сотрудники клиники разъедутся по домам, я помечу бедного котика как отходы животного происхождения, после чего утилизационная служба заберет их и кремирует вместе с остальными.

Расстилаю на земле большой лист полиэтилена, прихваченный из клиники, достаю из мусорного бака на колесиках сегодняшний мешок, который лежит на самом верху, и откладываю его в сторону – начать лучше с менее свежего образца. Заваливаю бак набок и метлой выгребаю из него на полиэтилен всякий домашний мусор, чтобы добраться до закопанного под ним вчерашнего мешка. Я бросила поверх него пару белых пакетов, чтобы Марк его случайно не заметил – хотя не припомню, когда он последний раз выносил мусор. И только теперь, когда содержимое мусорного бака свалено в кучу, замечаю еще один черный мешок. На мгновение мой мозг отключается. Перевожу взгляд вбок – да, сегодняшний я точно вытащила. Вон он лежит. Хмуро смотрю на новый мешок, который чуть меньше того, что с котом. Сейчас он лежит почти на самом верху кучи – а значит, прежде чем я

все вытряхнула, скрывался где-то ближе к днищу. Судя по всему, это и есть источник заражения насекомыми.

Затаив дыхание, чтобы предотвратить рвотные позывы, руками в резиновых перчатках выгребаю из черного мешка большую часть мягких извивающихся личинок, а затем осторожно беру его за края, приподнимаю и встряхиваю. На расстеленный полиэтилен у моих ног вываливается что-то очень похожее на кролика с коричневой шкуркой – в стадии активного разложения. Отшатываюсь назад. Прислонившись к стене и тяжело дыша, пытаюсь осмыслить, что именно перед собой вижу.

Итак, к дому подбросили еще один мешок с мертвым домашним животным – до того, как я обнаружила первые два.

И кто же закинул его в мусорный бак? Кроме Марка, вроде как больше никому, так ведь? Мысленно прокручиваю взаимодействие с ним за последние пару-тройку дней. Он был немного отстранен от меня, в разговоры особо не вступал. Если б Марк нашел изуродованного кролика, то, скорее всего, сразу же обратился бы ко мне, поскольку я ветеринар. Неужели он по какой-то причине предпочел скрыть это от меня? У нас снова появились секреты друг от друга? Пытаюсь изгнать из головы мысль, которая буквально кричит: ну, у *тебя-то* они есть, а он чем хуже? Впрочем, наверное, Марк просто забыл упомянуть об этом.

Мысли продолжают путаться, пока я перекапываю кучу мусора на наличие других черных мешков. Чувствую замет-

ное облегчение, больше не обнаружив никаких мертвых животных. Но когда возвращаюсь вниманием к мешку, обнаруженному сегодня утром, меня вновь охватывает напряжение. Вчерашний котик не был разовым явлением. Больше уже нельзя списывать эту историю на кого-то, кто случайно задавил его машиной и решил в таком виде вернуть хозяевам.

Нет. Кто-то специально избрал своей целью нас. *Меня.*

Я кого-то сильно разозлила? Ум уже заходит за разум. Единственный человек, который приходит в голову, – это Оливия Эдвардс. Встревоженное лицо Марка, когда он рассказал мне о ее похищении, четко отпечталось у меня в памяти. Ситуация была неловкой для нас обоих, но вроде только я осталась после этого с каким-то неуютным и беспокойным чувством – Марк казался совершенно невозмутимым, уходя на работу, и даже насвистывал, пока шел по подъездной дорожке к своей машине. Или же, по крайней мере, *пытался* выглядеть таким образом.

Впервые я столкнулась лицом к лицу с Оливией, когда она привела свою собаку к нам в клинику для профилактического осмотра. Она показалась мне тихой, непритязательной, с трудом поддерживала разговор. Я хорошо это помню, потому что во время консультации Оливия едва смотрела на меня, а ее оливковая кожа становилась темно-красной всякий раз, когда я задавала какой-нибудь вопрос. Что было более чем странно.

Выйдя из смотровой, она пошла в регистратуру записываться на повторный прием, как я ее и просила. И, случайно проходя мимо регистрационной стойки, я вдруг услышала ее слова: «Вы не могли бы в следующий раз записать Рекса к другому ветеринару? Очень вас прошу! Вообще-то в этот раз я просила записать меня к Самиру, но мы попали к совсем другому врачу». Я была настолько ошеломлена, что быстро прошмыгнула мимо, опасаясь того, что она может обернуться, увидеть меня и понять, что я все слышала. В голову не приходило ни одной правдоподобной причины подобного отношения ко мне. По крайней мере, тогда...

Разумеется, со временем эта причина мне все-таки открылась.

Невольно зажмуриваюсь, припоминая свой хриплый шепот, которым я бросала обвинения Марку; виноватое выражение его лица, подтверждающее мою правоту. И кульминацию – его слабые попытки все отрицать, а затем отчаянную мольбу о прощении. Все мое тело словно онемело, боль проявилась не сразу – поначалу ее притупил шок.

Помотав головой, чтобы избавиться от этих образов, складываю черные мешки в одну кучу. Засунув их в пустой, чистый, откладываю в сторону и заворачиваю вывернутый из бака мусор в полиэтилен, чтобы засунуть все это обратно. Можно ли сделать вывод, что цель – это я, а все эти мешки – дело рук Марка? Быстро прихожу к скоропалительному выводу, что все эти «подарки» оставлены именно мне

– может, выиграла нечистая совесть? При виде той бабочки мои давние страхи сразу превратились в реальность, но вообще-то это и вправду могло быть простым совпадением. Среди останков кролика никаких бабочек не обнаружилось. Хотя, с другой стороны, разложение в этом случае уже шло полным ходом, так что я могла ее просто пропустить.

Пока сгребаю мусор, взгляд падает на черный мешок, в который мне еще предстоит заглянуть. Несколько секунд неотрывно смотрю на него, почему-то ожидая, что сейчас он зашевелится или сдвинется с места – словно в сцене из фильма ужасов. Мешок лежит в нескольких футах от меня, но все равно почему-то страшно. И дальше оттягивать изучение этого мешка уже нельзя, но почему-то я совсем не горю желанием увидеть его содержимое. Если не загляну в него, то ничего и не узнаю – перспектива довольно привлекательная. Меньше знаешь – крепче спишь.

«Спрячь голову в песок, Джен. Это единственный выход».

Перед моим мысленным взором вдруг проскакивает лицо Оливии, и я зажмуриваюсь, чтобы прогнать его. «Похищена с улицы» – вот как это было подано в новостях. Уже сама по себе эта строчка навеивает ужасные воспоминания. В свое время о чем-то подобном я неоднократно слышала в новостях и читала в газетах. Мне уже было семнадцать, когда я узнала правду. В семнадцать лет вся моя жизнь вновь разбилась вдребезги, разлетевшись на мелкие осколки, и я во второй раз потеряла своего отца.

Слышу тихие постукивания, когда мои слезы капаят на пластиковый пакет. В животе разгорается обжигающий жар, медленно поднимаясь вверх, пока и лицо не начинает гореть огнем. Подступает ненависть, что мне опять напоминают о моих родителях – о тех, кто меня породил. После всех моих попыток сбежать, спрятаться, похоронить прошлое, как смеет источник всех моих проблем вновь поднимать свою уродливую голову?

Однако мой отказ признать это не остановит того, кто это делает. Это будет возможно, только если смело шагнуть в неизвестность и встретиться с ним лицом к лицу.

Решительно придвигаюсь к мешку и открываю его.

Клочковатая пегая шерстка – окровавленная, но с явными хохолками-розетками, позволяет безошибочно опознать в этом моем жутковатом подарке абиссинскую морскую свинку. Хмурю лоб, ощутив мимолетную искру узнавания – не знакома ли мне, часом, эта свинка? Да вроде нет. Осторожно вытащив ее из мешка и перевернув кверху брюшком, вижу глубокий надрез – кожа раздвинута, открывая внутренности. И тут делаю резкий вдох.

К кишкам приколота прекрасно сохранившаяся бабочка.

Теперь ошибки быть не может. Я и есть цель. И они, кем бы эти «они» ни были, знают о моем прошлом. Знают, что сделал мой отец – и кто он такой.

Моя мать тогда солгала мне. Мой отец сидит в тюрьме вовсе не за мошенничество.

Я – дочь серийного убийцы.

Глава 15

Губитель репейниц

Закоулки сознания серийного убийцы

Пола Слейтера: взгляд изнутри

Ныне уже 65-летний Пол Слейтер по-прежнему отбывает пожизненное заключение за похищения и убийства пяти женщин, совершенные в период с 1975 по 1987 год. И все двенадцать лет, в ходе которых он сеял смерть и ужас среди мирных обывателей, Слейтер успешно поддерживал нормальные повседневные отношения с обитателями городка Барнсли на севере Англии и казался всем, кто знал его, хорошим крепким семьянином – женатый человек с маленькой дочерью, которую он буквально боготворил. То, как он умудрялся жить бок о бок с ними, все это время охотясь на незащищенных женщин – и не вызывая при этом никаких подозрений, – стало для всех настоящим потрясением.

Как такое чудовище могло свободно разгуливать среди нас? И так долго оставаться незамеченным?

Это лишь часть вопросов, которые задавали многие и на которые средства массовой информации безуспешно пытались найти ответы, посвящая сотни дюймов газетных колонок различным теориям и домыслам. За последние тридцать лет кто только не пытался разгадать эту загадку

– с привлечением психологов, психиатров, детективов, знакомых и даже членов семьи убийцы, но никто так и не обратился к единственному человеку, способному дать ответ на все эти вопросы, – к самому Полу Слейтеру.

До недавних пор.

Глава 16

Марк

В последний четверг каждого месяца Джен обычно приезжает домой пораньше – после этих своих ветеринарных посиделок на работу уже не возвращается, – но в доме тихо, когда мы с Бреттом проходим в дверь идвигаем прямиком на кухню. Он усаживается за стол, а я ставлю чайник. Наверное, Джен избегает необходимости вступать в разговор с Бреттом. А может, избегает меня. С тех самых пор, как она узнала про Оливию, между нами сохраняется определенная неловкость. Джен знает, что лучше не поминать прошлое – никто из нас не хочет возвращаться к тем мрачным временам, – но иногда мне все-таки хочется поговорить с ней об этом. Я убежден, что наши тревоги и вопросы так и будут разъедать нас изнутри, если мы оставим их под спудом. Словно яд, ожидающий своей жертвы.

До недавнего времени я всегда принимал все эти «неизвестности» касательно Дженни как данность. Они не имели абсолютно никакого значения, когда в тот снежный студеный мартовский день слепой случай впервые свел нас вместе. Слепой случай, который я до сих пор считаю судьбой. Тогда мне едва стукнул тридцатник. Ее машина застряла в сугробе по дороге в Колтон-Кум. По словам Джен, узенькие

сельские переулочки застали ее врасплох. «Я до сих пор ездила только по нормальным шоссе – просто не могу поверить, что тут может быть двустороннее движение!» Она махнула на улочку, на обочине которой застряла ее машина, и я едва сдержал смех. Джен была бледна, а глаза ее потрясенно расширились, когда она стала рассказывать мне, как какой-то кретин практически столкнул ее с дороги. «Вот же хам! Он явно думал, что вся дорога принадлежит ему – ехал по самой середине!»

Я улыбнулся и предложил вызвонить одного своего приятеля, чтобы тот помог выдернуть ее черный «Фиат» и отбуксировал его в автомастерскую. «Хотя вам следует знать – если вы, конечно, и дальше собираетесь ездить по этим проулкам, – что все тут, как правило, едут ровно посередине, потому что проезжая часть недостаточно широка, чтобы разъехаться. Если вдруг встретите встречную машину, просто остановитесь и сдавайте назад». Мои слова, похоже, ее не очень обрадовали. «Вы ведь умеете ездить задним ходом?» – с ухмылкой добавил я.

Она бросила на меня стыдливый взгляд, который ясно сказал мне, что нет, ни фига не умеет, и с красным лицом пробормотала: «Я сворачивала задом за угол на экзамене по вождению».

И с этого момента мы с Джен были уже неразлучны. Она сказала мне, что переезжает на жительство в нашу деревню, так что да, ей теперь все-таки придется ездить по этим доро-

гам. Я взялся растолковать ей местные особенности дорожного движения в наших краях, а в частности обучить тому, как двигаться задним ходом более-менее по прямой, а не диким зигзагом, задевая живые изгороди по обе стороны дороги – маневр, хорошо знакомый мне по всяким понаехавшим из столиц, которых невесть как занесло в нашу лесную глушь.

Эти «неизвестности» не имели никакого значения и после нашего бурного романа с головокружением от любви, завладевшей всеми моими чувствами. Моя мама настолько влюбилась в Дженни, была настолько уверена, что я нашел Ту Единственную, что нежелание Джен упоминать о своих родителях не вызывало у меня абсолютно никаких вопросов – по ее словам, мои родители оказались настолько славными людьми, что она уже думала о них как о своих собственных. Мама так увлеклась, помогая Дженни со свадебными планами, что даже не стала высказывать своих опасений, когда Джен сказала, что своих родителей на свадьбу не пригласит. Они ведь так хотели сделать все правильно – мой отец был непреклонен в том, что я должен обязательно попросить благословения у отца Джен. Но свадьба прошла без них, и с каждым днем ее родители все больше забывались. Пока Джен не забеременела. Рождение Эллы стало вишенкой на торте. Мои мама и папа были в таком восторге, впервые взяв на руки нашу драгоценную дочурку, что никак не могли понять, почему родители Джен не могут разделить их радость.

Я вот даже представить себе не могу, как это можно существовать отдельно от Эллы и Элфи. Я бы пошел буквально на все, чтобы защитить своих детей. Как же могло случиться, что Дженни не чувствовала того же самого со стороны ее собственных родителей? Однако, по ее словам, они не хотели иметь с ней ничего общего. Интересно, сколько из этого соответствует действительности...

Когда я думаю о воспитании наших детей, то мои мысли всегда так или иначе возвращаются к Оливии. К тому, через что сейчас могут проходить ее бедные родители. Наверняка это сущий ад. Вряд ли я когда-нибудь захочу знать, каково это. С того момента как я взял крошечную ручку Эллы в свою, то был и сражен наповал, и переполнен чувствами. Она была такой совершенной, такой уязвимой... С того дня моим долгом было заботиться о том, чтобы ей никогда не причинили вреда. Разве это не обязанность каждого родителя? Не то, к чему они стремятся? Каково это, когда они подводят своего ребенка? А ведь именно так Джен всегда и говорила о своих родителях – в тех редких случаях, когда все-таки заходил такой разговор. Они подвели ее. Всерьез подвели. Я никогда не буду таким.

Элла и Элфи для меня – на первом месте.

Они – это главная причина, по которой я вел себя тише воды ниже травы, когда Джен обвинила меня в романе с Оливией. Из всех сил старался спрятать голову в песок, избежать ужасных последствий. Могу назвать и другую причину,

по которой я так усердно просил у нее прощения и солгал, что это был всего лишь разовый перепихон, хотя на деле таких случаев было больше, – я не мог позволить себе сидеть на двух стульях одновременно. Я не хотел, чтобы наши дети хоть как-то пострадали. Наши супружеские проблемы никак не должны были сказываться на них – это было бы несправедливо. Они нуждаются в нас обоих одновременно.

– О чем так задумался? – говорит Бретт, и, повернувшись, я вижу, как он вопросительно смотрит на меня. – Что бы это ни было, старина, вряд ли ты найдешь ответ, гадая на чайных листьях.

– Да ничего особенного, – говорю я, быстро приходя в себя и с поспешной улыбкой протягивая ему кружку. Нельзя думать обо всем этом сейчас – нужно сосредоточиться на настоящем. Отвечаю ему, что просто обдумываю наш предстоящий разговор. Непохоже, что я мог бы поделиться с ним тем, что на самом деле у меня на уме. Да и вообще хоть с кем-то. Стоит об этом подумать, довольно странно, что у меня нет близких друзей здесь, в Колтон-Кум. Никого, кому я мог бы доверить что-либо значимое. Вообще-то я никогда не тяготел к «истинно мужской компании» – даже в школе, колледже и универе больше общался с девчонками, и меня чаще можно было застать тусующимся с ними, чем играющим в футбол или ведущим мужские разговоры с парнями. Даже Бретт всегда был для меня скорее просто хорошим знакомым, чем другом, на самом-то деле. Вероятно, все это объ-

яснялось тем, что у меня целых три сестры – и, естественно, мне с детства было комфортней в окружении женского пола. Конечно, я не хочу сказать, что был таким уж бабником, но недостатка в девушках никогда не испытывал. Общаться с женщинами мне комфортно, и женитьба этому ничуть не помешала. Поначалу Джен вроде как не возражала против этого, но в течение последнего года это стало серьезной проблемой.

И еще более серьезной после того, что случилось с Оливией.

Слушаю Бретта несколько минут, на самом деле не слыша его, а потом он встает и отставляет свою кружку в сторону. Потирает руки так, как делал это в студенческие времена – как будто готовясь, настраиваясь на то, чтобы как следует «оттянуться». Замираю, припомнив те пьяные разгульные ночи, слишком многие из которых оставляли за собой след каких-либо разрушений или чего похуже.

«Ханна...»

Непроизвольно делаю редкий вдох. Ради самосохранения это имя хранится прочно запертым в темных уголках моего сознания, но в эту долю секунды, при виде Бретта, оно вновь приходит ко мне, и я мотаю головой. Жаль, что я не поступил тогда по-другому.

– Да ладно тебе, Марки, старина, – расслабься. Я-то думал, мы собирались немного развлечься...

– Да, – отзываюсь я, а затем, услышав отсутствие энтузи-

азма в своем тоне, более уверенно продолжаю: – Давай так и поступим.

Пока быстро переодеваюсь, мне приходит в голову, что Бретт, скорее всего, здесь вовсе не для того, чтобы сидеть и спокойно обсуждать деловые вопросы – я, как всегда, иду той дорогой, которой он меня ведет. Но теперь уже слишком поздно менять планы, так что мы выходим за дверь и направляемся в паб. И лишь тогда мне приходит в голову, что тот может и не работать. Могла ли полиция закрыть его? Я как-то не подумал о такой вероятности... Пожалуй, было бы лучше, если б это оказалось и вправду так. Можно будет просто купить несколько банок пива в магазине и принести их домой. Я уверен, что Джен не будет возражать – она всегда может пойти в комнату отдыха и почитать или подобрать очередные детальки к пазлу. Все это помогает ей расслабиться, и бог свидетель, как мы оба в этом нуждаемся.

На ходу пишу ей эсэмэску, дабы убедиться, что она сможет забрать детей с продленки – эти ее ветеринарные посиделки могут закончиться и позже намеченного срока. Однако я уже рассказал ей о своих планах, так что в таком случае она обязательно позвонила бы. Ей бы не хотелось заставлять Элли и Элфи стоять в ожидании у школьных ворот. Особенно учитывая все, что сейчас происходит.

– Ну что, готов? – спрашивает Бретт, когда мы заходим за угол и в поле зрения появляется вывеска «Юниона». – Потому как я не забыл, что раньше ты был слабаком.

Это было более двадцати лет назад, и он все еще вспоминает об этом. Невольно стискиваю зубы. Очень хочу поправить его – сказать, что ничего подобного, – но не хочу опять ворошить эту историю. Это та часть моего прошлого, которую я предпочел бы не вытаскивать на поверхность. По-моему, и Бретт тоже, так что я удивлен, что ему этого захотелось.

– Готов целиком и полностью, – отзываюсь я, ускоряя шаг и демонстративно игнорируя его последние слова.

Машины въезжают на парковку и выезжают с нее, так что паб явно открыт. Полагаю, он не рассматривается как место преступления – не из него ведь похитили Оливию.

– Жду не дождусь услышать, как ты собираешься зарабатывать мне деньги, – со смехом добавляю я, скрывая за легкомысленным тоном чувство вины. Ну как я могу и дальше вести нормальную жизнь, как будто ничего и не случилось? Родне Оливии это, конечно, никак не светит.

Когда спускаемся по склону, ведущему ко входу в «Юнион», я замечаю полицейскую машину, припаркованную на соседней улочке, и у меня подкашиваются ноги. Быстро восстанавливаю равновесие, делая вид, что все в порядке. Бретт бросает на меня любопытный взгляд. Но, переступая вслед за ним через порог заведения, я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть полицейского, стучащего в чью-то дверь. Еще один стоит на улице и беседует с кем-то из соседей. Кровь стынет у меня в жилах.

Скоро ли полиция постучится и в нашу дверь?

Глава 17

Дорогая моя, я никогда не прощу ее за то, что она сделала! Я хочу, чтобы ты знала, что это была не твоя вина. Ни в чем из этого нет твоей вины.

«Вообще-то не похоже на то».

Мой отец, упокой Господь его дерьмовую душу, всегда любил повторять: «Гнилое яблоко никогда не падает далеко от яблони». Хотя я ненавидел его за то, что он это говорил, – поскольку то, как он тихо, угрожающе снова и снова произносил эти слова мне на ухо, означало, что он уже отказался от меня – я уже начинал и сам в это верить.

«Очень надеюсь, что он ошибался. И что ты тоже ошибаешься».

Наверное, у этой семьи никогда не было шанса.

«До чего же пораженчески это звучит!»

Хочу, чтобы ты знала: я никогда не отказался бы от тебя. Несмотря на все, что она могла тебе сказать, я все-таки хотел участвовать в твоей жизни, но она запретила мне это. Она не хотела, чтобы тебя запятнало мое прошлое. Хотя, похоже, она удачно забыла о своем собственном.

«Пожалуй, это вполне ее характеризует».

Убийство у нас в крови, сказала она. Вероятно, в этом она была права. Но это отнюдь не неизбежно, моя принцесса. Будущее еще не написано. Не забывай об этом, хорошо?

«Постараюсь не забывать, папа.

Хотя, может, это и вправду у нас в крови».

Глава 18

Дженни

Хрустит гравий, когда я сворачиваю к задней части ветклиники «Уэлл-Кум», стараясь не парковаться в поле зрения камеры наблюдения.

– Мы идем посмотреть на животных? – взволнованно спрашивает Элфи.

– Боюсь, что не сегодня. Сейчас все закрыто. В другой раз, детка. – Мой голос напряжен, а еще больше желудок. Объясняю, что мне нужно кое-что туда забросить, и прошу детей тихо посидеть в машине.

Вылезая из-за руля, замечаю, что в полях слева все еще происходит какая-то деятельность, но, по крайней мере, вертолет над лесом уже не висит. Не знаю, хороший это знак или плохой. Будучи оптимисткой, предпочитаю думать, что Оливия уже нашли. Или ее тело. Поеживаюсь и отвожу взгляд от полей.

Открываю багажник, потихоньку достаю черный мешок со всеми «подарками» и подхожу к задней двери. Понимаю, что камера наблюдения засечет меня за этим занятием, так что и вправду не пойму, зачем потрудилась поставить машину в слепой зоне. И чего мне вообще волноваться из-за камеры? Мне нечего скрывать. Однако, проходя мимо, украд-

кой бросаю на нее взгляд – и слишком поздно сознаю, что вид у меня при этом наверняка виноватый. Примерно как тогда, когда позади меня едет полицейская машина, и я машинально начинаю вести себя по-другому, хоть и знаю, что полностью соблюдаю скоростной режим, а документы на машину в полном порядке. И вот теперь, когда останки животных тяжело оттягивают руки, веду себя столь же подозрительно. Нужно расслабиться. Я ведь не пытаюсь сдать на утилизацию части человеческого тела, пытаюсь выдать их за отходы животного происхождения...

Оказавшись внутри, проверяю, все ли чисто – снаружи не стоит ни одной машины, но надо все-таки окончательно убедиться, – и направляюсь в помещение для биологических отходов. Налепляю на мешок наклейку «Токсично!» и оставляю его в специальном контейнере для сжигания. И тут вдруг внезапное ощущение дежавю охватывает меня с такой силой, что я замираю, изо всех сил пытаюсь ухватиться за некое воспоминание. Но оно, как жидкость, быстро утекает от меня, прежде чем успеваю его поймать. Я регулярно прихожу сюда, чтобы убраться в контейнер какие-то биологические отходы, это совершенно повседневное дело, и просто не могу себе представить, почему именно это конкретное действие вызвало подобное чувство. А если не оно, то что же? Смотрю на часы: отходы должны забрать ровно через десять минут – я успела как раз вовремя. Нужно поскорей убраться отсюда, пока не пришел сторож, чтобы открыть

дверь работникам транспортной компании.

Когда сажусь обратно в машину, у меня шумно вырывается долгий, протяжный вздох облегчения. Молча молюсь, чтобы мне больше никогда не пришлось этого проделывать.

– Что-то случилось, мам? – Глаза Элфи ищут мои в зеркале заднего вида.

– Ничего, лапочка. Просто немного устала.

– Это все потому, что ты постоянно встаешь по ночам! – Элла пристально смотрит на меня, насупив брови.

Струйка пота стекает у меня по спине, заставив содрогнуться. Что она имеет в виду, говоря, что я «постоянно встаю по ночам»? Открываю было рот, чтобы спросить ее, но звонит мой телефон, и я быстро хватаю его с приборной панели. Неизвестный номер. Наверняка мошенники. Бросаю мобильник обратно – в раздражении, что это не Марк. Я ответила на его предыдущую эсэмэску, сообщив, что я в полном порядке и что заберу детей с продленки, а заодно спросив, во сколько, по его мнению, он будет дома, но ответа так и не получила. Наверное, он слишком увлекся студенческими воспоминаниями с Бреттом. Завожу машину, прибавив газу чуть больше, чем требуется. Я и вправду надеюсь, что он и его дружбан будут отсутствовать весь вечер – хочу уже лежать в постели, когда они вернутся. Встречаться с Бреттом и поддерживать с ним светскую беседу в мои намерения не входит. Это было бы серьезным испытанием и в лучшие времена, но сейчас я и вовсе не в настроении – от одной только

мысли о любом разговоре чувствую тяжесть в животе.

Появление Бретта вновь вызвало тревожные звоночки. Вплоть до его появления прошлой ночью я напрочь выкинула его из головы. И чем больше я об этом сейчас думаю, тем более странным представляется то, что у Марка здесь нет ни одного приятеля, заслуживающего упоминания. Он живет в Колтон-Кум уже почти двадцать лет, но так ни с кем и не сблизился. Марк сказал, что переехал сюда, потому что здесь поселилась одна из его сестер со своей семьей. Но вскоре после того, как мы познакомились, она купила дом где-то на севере Девона – по ее словам, из-за школ.

Честно говоря, мне представляется, что в общем и целом мы с Марком всегда были вполне самостоятельны. Когда мы только поженились, то настолько витали в облаках, что ни в ком не нуждались и не хотели, чтобы кто-то посягал на наше идеальное супружеское счастье. Но после того как у меня появилась Элла, я поняла, что мне все-таки нужны друзья – подруги, которые соответствовали бы моей изменившейся роли. С Ройшин я познакомилась в группе матери и ребенка, хоть это и не она была там с ребенком. Она пришла поддержать свою сестру, но мы сразу же поладили, и наша дружба завязалась на обсуждении ее домашней кошки. Ее «ребенка». Других у нее не будет, увольте, сказала она тогда, картинно закатив глаза в сторону орущего Тобиаса, своего племянника. «Возня с детьми слишком похожа на тяжелую работу», – прошептала она мне на ухо.

– А можно нам чего-нибудь сладенького на «вечер кино»? – спрашивает Элла, как только выезжаем обратно на дорогу.

– Конечно. Я заскочу в магазин на углу по дороге домой.

Я сказала им, что они могут выбрать любой фильм – главное, соответствующий по возрастному ограничению – и выпить чаю на полу в гостиной, типа как на пикнике. Сама же посмотрю то, что мне приглянется, по телевизору в спальне, когда они лягут спать. Предложенные Ванессой «Ночные игры»⁶ с Джейсоном Бейтманом – моим подростковым увлечением – кажутся неплохим выбором. Ничего слишком уютного, ничего серьезного – мой разум не будет сосредотачиваться на деталях или замирать от чего-то мрачного.

Ограничение скорости в двадцать миль в час в деревне дает мне возможность сбросить скорость настолько, чтобы незаметно глянуть на дом Оливии, когда я проезжаю мимо. Все шторы задернуты – не вижу никакого движения. Вздрагиваю, снова тычу ногой в педаль газа – а затем резко нажимаю на тормоза, когда кто-то вдруг появляется прямо перед машиной.

– Господи!

⁶ «Ночные игры» – американский комедийный боевик режиссеров Д. Дейли и Дж. Голдштейна 2018 г.: Энни и Макс развлекаются тем, что устраивают с другими парами по ночам настольные игры и квесты. Однажды к ним присоединяется брат Макса Брукс, и «постановка» с самого начала идет не по плану. Джейсон Бейтман (р. 1969) – американский актер кино и телевидения из категории «красавчиков».

– Вот же дурак, правда, ма? – говорит Элфи с заднего сиденья.

– Хорошо, что мы ехали медленно, точно? – отзываюсь я, свирепо глядя на мужчину, который все еще стоит перед капотом. Яростно вскидываю руки – мол, че ты творишь? – но он просто смотрит прямо на меня. И тут я узнаю его. Это Джордж – или же Драгоценный Джордж, как прозвала его Ниша. Всю кожу начинает покалывать. Почему он так на меня пялится? Прогазовываю движок, и он наконец выходит на тротуар, не сводя с меня глаз, когда я проезжаю мимо и паркуюсь возле магазина. Я собиралась оставить детей в машине, а сама заскочить за сладостями, но теперь, когда нервы у меня на пределе, тащу их с собой.

* * *

Уже почти полночь, когда я наконец слышу, как возвращаются мужчины, – тихий дом наполняется их баритонами, когда они входят в прихожую. Они не пьяны в стельку, но определенно поддатые. Их разговоры отдаются глубоким гулким эхом, из-за чего трудно разобрать слова, но я вроде улавливаю одно имя.

Выползаю из кровати и нависаю над перилами на верхней площадке лестницы, чтобы лучше слышать. Ну конечно. Они говорят об Оливии.

Марк шикает на Бретта, и мой интерес сразу же возрас-

тает.

– Так, думаешь, она знает больше, чем говорит?

Предполагаю, что под «она» Бретт подразумевает меня.

– Не знаю... Слушай, мне жаль, что я вообще упомянул об этом. Не хочу обсуждать эту тему. Давай просто немного поспим.

Отступаю на шаг – на случай, если они поднимутся по лестнице и застукают меня за подслушиванием. Но затем, по мере того как они приближаются к кухне, голоса становятся тише. Очевидно, Марк все-таки хочет поговорить об этом. Отваживаюсь наклониться еще ниже, чтобы все еще слышать их.

– Правда, старина, – я здесь ради тебя. Не держи все в себе – это не лучшая мысль. Когда делишься какой-то проблемой...

– Есть всего пара вещей – вроде той непонятной фигни, о которой ты уже знаешь, – из ее прошлого, о которых она никогда не будет говорить. И я понимаю, что иногда накручиваю себя, пытаюсь раздуть что-то из ничего, но...

– Но что?

– В ту ночь, когда похитили Оливию, она... Джен... у нее был провал в памяти.

Моя рука взлетает ко рту. Что? Марк доверился Бретту насчет Оливии и моих отключек? То, что он рассказал об этом какому-то мужику, с которым не общался больше десяти лет, кажется предательством.

– Да. Это не значит, что она и вправду что-то сделала – в смысле, она определенно не могла каким-то образом похитить Оливию. Это безумие – даже просто предполагать такое. – Марк неловко смеется. Мои руки покрываются гусиной кожей.

– Я чувствую тут какое-то «но».

Наступает продолжительная тишина: гулкие удары моего собственного сердца – вот и все, что я сейчас слышу. Не хочу пропустить то, что будет дальше, – нужно подойти ближе. Затаив дыхание, на цыпочках спускаюсь по лестнице и пересекаю прихожую. Если они внезапно выйдут из кухни, просто придется сказать, что я спустилась за стаканом воды. У меня покалывает кожу головы, когда я слышу голос Марка, низкий и мрачный. Едва узнаваемый.

– Я праздновал – выпил бутылку вина после нашего с тобой разговора. И тоже мало что помню о той ночи. Но утром она надолго заперлась в ванной, а позже я нашел ее грязную одежду в корзине для белья.

Желудок у меня сжимается. Блин... Так вот почему он вел себя как-то странно в моем присутствии. Почему не мог посмотреть мне в глаза.

– Так, по-твоему, она выходила из дома?

– Да. У меня ужасное, мучительное чувство, будто она что-то видела. Или даже имела какое-то отношение к тому, что произошло.

– Ни хрена себе... Это уже серьезно, старина.

Какого черта? Как Марк мог даже предположить такое? Все мышцы у меня подергиваются. Хочу ворваться к ним и ударить его.

– Я знаю. И, скорее всего, ошибаюсь. Как уже было сказано, я слишком много себя накручиваю. Если б не было проблемы с тем, что она обвинила меня и Оливию в интрижке, я бы даже и не рассматривал такую возможность.

О господи... Прикусываю нижнюю губу. «Он что, обвиняет меня в чем-то?» Просто не могу поверить, что Марк раскрывает мои секреты, но явно пытается замести под ковер свои собственные, делая вид, что у них с Оливией ничего не было.

– Хотя я всегда говорил, что у тебя есть шестое чувство. После той истории с...

– Даже не произноси это имя!

Это еще что? Явно улавливаю резкие нотки в голосе Марка. И о чем это Бретт?

– И все-таки... Если ты чувствуешь, что что-то не так, то я поспорил бы, что ты прав.

– Я не хочу оказаться правым, Бретт. Но если это была не она, я и вправду боюсь, что...

Тишина. Марк замолкает или говорит шепотом, и я больше их не слышу. Да и все равно не могу больше слушать. Грудь у меня сдавлена, дыхание поверхностное. Чувствую себя так, словно мне вонзили нож в сердце. Похоже, не у меня одной проблемы с доверием. Мой собственный муж счи-

тает, что я способна на что-то плохое. И одному богу известно, что бы он подумал или сделал, если б узнал, что в моих жилах течет кровь убийцы.

Глава 19

Дженни

Пятница

Встаю рано, до будильника, оставив Марка посапывать в постели, и босиком прокрадываюсь вниз. В итоге он на косях ногах завалился в постель в три часа ночи, и алкогольные пары сразу ударили мне в нос, когда он повернулся ко мне. Я держала глаза закрытыми, надеясь, что Марк решит, что я сплю, но все равно чувствовала, как он смотрит на меня, когда его несвежее дыхание горячим шепотком касалось моей щеки. Так и знала, что его поход в паб с Бреттом окажется не лучшей затеей. Я все еще не оправилась от обрывков их разговора, который подслушала прошлой ночью, и не знаю, что с этим делать. На данный момент просто задвинула все это куда-то на задний план. Подозрения Марка могут оказаться наименьшей из моих забот.

Надежды застукать кого-нибудь за подбрасыванием очередного «подарка» рушатся, когда я открываю входную дверь – вокруг ни души. Но, как я и опасалась, на крыльце меня опять ждет черный мусорный мешок. Челюсти у меня крепко сжаты, кулаки тоже, когда я мчусь по подъездной дорожке, охваченная гневом. Теперь это по-настоящему меня разозлило. Осматриваю дорожку, подхожу к обсаженному

деревьями откосу и взбираюсь на него, оскальзываясь босыми ногами на росистой траве. Ухватившись за низкую ветку, ухитряюсь подтянуться достаточно высоко, чтобы заглянуть в поля. За исключением нескольких овец, смотреть там не на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.